

Призраки любви

Я бы хотела, чтобы меня никогда не было. Все было бы так просто. Зачем мы рождаемся? Лютер говорил, что мы все равно ни на что не способны, кроме зла, и, мне кажется, так и есть. По крайней мере, это так про меня.

Я убила свою мать. Нет, не в том смысле, чтобы вонзить в нее нож, или задушить во сне подушкой, или что-нибудь еще в этом роде. Я только воткнула иглу в пластилиновую фигурку. Кажется, в каком-то детективе Агаты Кристи есть такое. Или не у Кристи? А еще я лежала в постели, когда она умирала. Наверное, если бы я вскочила и бросилась на помощь, то все равно ничего не смогла бы сделать, и она все равно бы умерла. Да я и не знала, что с ней. Она должна была зайти в ванную, а потом я услышала бы звук льющейся воды. Но я его не услышала. Ничего не услышала, кроме вскрика, который, возможно, мне только почудился.

Когда умирал отец, рядом даже не было кого-нибудь, кому могло бы что-то почудиться. Я задержалась по дороге из школы, потому что Юрген купил мне мороженое и, дурак дураком, хотел откусить от него, после того как я уже откусила, а я смеялась и не дала это сделать, сказала, что все съем сама, потому что я жадная. А она была на работе. Конечно, на работе.

И с чего мне было вскакивать, только оттого что она не вошла в ванную, в которую должна была войти, и не открыла кран, а потом мне послышался вскрик?

Когда я все-таки поднялась, гораздо позже, и выглянула в прихожую, то увидела ее лежащей на полу у тумбочки, где стоит телефон, но она не успела вызвать скорую. Я спросила себя, что бы я сделала, если бы оказалась рядом. И ответила, что, наверное, выдернула бы шнур из розетки и смотрела бы на ее беспомощность. Как во сне. Или я все-таки не такая? Ведь не кинула я тогда в ванну фен. Она уже наполнила ванну и нежилась там, а я подошла бесшумно, босиком, с воткнутым в удлинитель феном в руках, и оставалось войти в незапертую дверь – всего несколько шагов. Но я отступила, и ушла к себе и только плакала, бросившись на кровать.

Мне не пришлось ни выдергивать шнур, ни звонить в скорую, потому что в ту минуту меня там не было. Но я помню, как вылепила фигурку и злобно воткнула в нее иглу.

И вот она лежала, и свет в прихожей горел, никем не погашенный, и я наклонилась и пощупала пульс, а потом позвонила – все это было совершенно механически.

Телефонная трубка снова в моей руке.

Набрав номер Эрика, я жду. Весь день он не отвечал. И весь день я снова провела без него. Зато теперь я все понимаю. Я точно знаю, что хотела бы, чтобы меня никогда не было.

Но я есть...

«Алло! Анна? Анна, это ты?» - слышу я. Конечно, это я, что за дурацкий вопрос. Но в его голосе нет ни радости, ни тревоги. Он только спрашивает, я ли это. Пусть думает, что хочет, мне все равно. Я добила своего и молчу, а потом вешаю трубку.

Возможно, он сейчас только пожал плечами. Он считает меня нервной, а после ее смерти – в особенности. Но мне не нужна его жалость. Почему он не может перестать думать о ней? Почему? Почему?

Ведь он уже был со мной. Знал мою страсть. Неужели это тоже было совершенно механически?

Одевшись (и не туфли на ноги, а ботинки потяжелее), выхожу на пустую улицу. В большинстве окон уже нет света. За какими-то любят друг друга, но, поскольку мы ни на что не способны, кроме зла, это неважно.

Полуночную мглу пререзают лучи света, падающего с высоких одиноких фонарей; головы их наклонены, словно в молитве – как головы крестьян на «Анжелюсе» Милле. Но к чему эти молитвы? Siamo in una selva oscura abbiamo smarrito la diritta via.

II

Госпожа Вильхов так разговорчива; она, кажется, способна говорить часами, и мне немного неловко давать ей понять, что за дверью ждут и другие пациенты. Сегодня она рассказывала мне, что у ее приятельницы Стаси заболела канарейка: она едва притронулась к пище, и друг ее перестал петь, отчего Стаси сильно встревожилась, так что она покажет птичку ветеринару; но если что, она купит новую. «Как Вы думаете, - спросила госпожа Вильхов, - ее кенар быстро утешится? Ведь это правда, что лучшее лекарство от любви – это другая любовь?» Я сказала, что у меня никогда не было птиц. «Они чистят друг другу перышки, - продолжала Вильхов, - но это ведь еще не значит, что у них есть любовь; ведь можно предположить, что так они просто делают тело партнера более привлекательным. Это биологически разумно. Как Вы думаете?» (Ее любимый вопрос.) Похоже, ей действительно интересно, перестал ли кенар петь, оттого что с его подругой беда, или оттого что неприятность – в виде утраты сексуального партнера – случилась с ним самим.

Она продолжает много курить, и все мои заклинания на этот счет напрасны. Ей уже дважды делали шунтирование. И она печет один черничный пирог за другим и поглощает их. Ее покойный муж, оставивший ей немалое состояние, благодаря которому она может не беспокоиться хотя бы о деньгах, обожал черничные пироги. Теперь все достается ей одной; сын ее – небольшой любитель сладостей, что довольно странно для человека творческого. Госпожа Вильхов говорит, что он нелюдим и весь погружен в работу, а еще что он отказывается водить машину после того, что случилось с отцом.

«Приходите через неделю», - говорю я ей, слушая нетерпеливое вышагивание за дверь.

За госпожой Вильхов приходит господин Розенфельд. У него давняя стенокардия, но, если он не будет слишком усердствовать в тренажерном зале, борясь со старостью, опасности для него я не нахожу. Они с госпожой Вильхов – антиподы, он почти ничего о себе не рассказывает, и он очень высокий, выше меня больше, чем на голову, а Вильхов – крохотная.

За господином Розенфельдом больше никого.

Июньский вечер столь хорош, что мне даже не хочется садиться в машину. Не бросить ли ее здесь и не пройтись ли пешком? Небо безоблачно. Дорога займет около полутора часов, и еще не успеет совсем стемнеть. Да, это неплохая идея!

Когда идешь пешком, замечаешь многое, чего не видишь, проезжая на автомобиле. Прелестные балкончики, цветы на них, башенки, фонарики, - много всего! Проходя через парк, я задерживаюсь у особенно красивой клумбы, наклоняюсь и вдыхаю аромат пионов. Со скамейки на меня смотрит старичок. Скамеек здесь несколько, но остальные пустуют. Губы старичка плотно сжаты. Он выглядит чопорно, отчужденно. Мое воображение помещает черную бабочку на его худую шею, и он становится дворецким в доме обедневших аристократов, полвека тому назад.

Госпожа Вильхов держит приходящую служанку. Она прибирается в доме, закупает продукты, но готовит Вильхов сама. У нее большая четырехкомнатная квартира, но это совсем не то, что целый дом, и дворецкий ей ни к чему. Что до меня, то я бы не хотела жить в большом доме, мне нравится мое уютное гнездышко. Я знаю в нем каждую вещь.

Аромат пионов чудесен, однако мне надо идти дальше. Теперь мои каблучки стучат по асфальту. Стук-стук. Как голуби зернышки клюют. И эти зернышки приводят меня домой, как привели домой из леса Гензель и Гретель.

Анна дома, и я говорю ей весело: «Ciao! Come va?» (Временами я обращаюсь к ней на ее итальянском.) «Va bene, - говорит Анна. – Hai lavorato sodo oggi?» «Нет, все было, как обычно, - отвечаю. – Я просто решила пойти пешком».

Она согласна, что погода хорошая. Но кавалера на сегодняшний вечер у нее нет. Жаль. Я бы так хотела видеть ее счастливой! Увы, у нее колючий характер – вся в Марека.

Она очень любила его, была «папиной дочкой», а я... я знаю, что недодавала ей ласки. И это нельзя исправить.

Она не дождалась меня и поужинала, а теперь смотрит у себя кино. Наш видеомагнитофон – довольно старый, но отлично работающий – давно стоит в ее комнате. Ужинаю одна. Потом принимаю ванну. Мне кажется, о человеке многое можно сказать по тому, предпочитает ли он ванну или душ; и мы с Анной в этом разные – она любит душ, да еще и попрохладнее, а я – ванну, и чтобы было побольше пены. Как возле скалы ромеев, когда Афродита выходила из моря (так однажды пошутил Марек, подхватив меня, вылезавшую из ванны, на руки – это было очень давно, Анна еще не родилась).

Некоторых родственников я никогда прежде не видел, а еще нескольких – только на фотографиях; кажется, приехали все, кто только мог. Тетушка Берта занималась всеми организационными вопросами, сказав мне, что я еще слишком молод для таких дел.

Все произошло так быстро и неожиданно.

Я принимаю соболезнования. Когда подходит женщина, в таком же черном, как и все мы, и говорит, что, возможно, я вовсе не хочу ее видеть, но ей действительно хотелось прийти, я не сразу понимаю, кто она. Потом понимаю: это госпожа Ковальски, мама лечилась у нее. Первая моя реакция – холод. Я не знаю, все ли сделала госпожа Ковальски, что было в ее силах, но знаю, что мамы больше нет. Так что я говорю: «Не ожидал увидеть Вас здесь». Она взглянула мне в глаза, и я увидел, что ей действительно больно, и был тронут. Мы еще обменялись несколькими фразами, а затем она уступила меня другим.

В таких случаях, как у госпожи Вильхов, человек иногда живет долго, а иногда умирает завтра, поэтому я не была шокирована – как врач. Однако, получив печальное известие, я была очень огорчена и пробормотала вполголоса: «Ах, Вильхов, Вильхов!» Она говорила мне, что у нее есть купленное место на кладбище, и мне не составило большого труда узнать, когда будут похороны, не обращаясь к ее родственникам. То, что они пришлось на вечер пятницы – хорошо, мне потребовалось отменить только два последних приема, чтобы успеть заехать домой, переодеться и добраться до похорон. Сначала я думала, что просто постою там, незаметная, но потом решила все-таки подойти к ее сыну. Он очень молод. У него добрые серые глаза, какие были у нее, чисто выбритое лицо, нос с небольшой горбинкой (это уже, надо полагать, от отца). Я знаю, что он – начинающий архитектор. Было бы интересно взглянуть на его работы.

В руках она держала большой букет цветов. Я обратил внимание, что на ней нет обручального кольца. Красивые цветы. И она.

Родственников много, с ними надо о чем-то говорить, а я не понимаю, о чем. Больше всего мне сейчас хочется вернуться к своим аркам и колоннам. Девушка, которую зовут Хелена, из числа тех, которых я даже на фотографии не видел, подходит познакомиться; похоже, она одинока и обратила на меня внимание. Пухленькая кареглазая брюнетка. Глаза госпожи Ковальски и ее светло-русые кудрявые локоны до середины шеи гораздо красивее. Мама говорила, что у нее есть взрослая дочь, что-то еще о ней рассказывала, но я плохо слушал.

Всему приходит конец, и похоронам тоже. Мне надо возвращаться в пустую, необъятную для меня одну квартиру. Тетушка Берта спросила, не хочу ли я продать ее и купить поменьше. Но если я женюсь, то большая квартира будет кстати. Я ответил, что жениться не собираюсь, а что до продажи... Не думал об этом еще. Она кивнула мне и сказала, что готова взять продажу на себя. И многие мамины вещи она охотно взяла бы себе. И кота, если он мне не нужен.

Сажусь в машину. Я была чужой здесь, но нисколько не жалею, что пришла. Просто хотелось с ней попрощаться. В соборе возле кладбища я купила билет на органный вечер. Среди прочих будет Гендель, поэтому и купила – очень люблю Генделя. От него веет таким спокойствием, таким чувством небесной защищенности! Если сравнивать с небом, то Гендель – такое небо, как над головой сейчас. (Ни облачка вот уже который день.)

Ходить пешком хочется по узеньким и, хорошо бы, извилистым улочкам, но ездить в авто – по широким и прямым. К сожалению, это не всегда получается. В районе кладбища широких улиц нет. Малоэтажная городская окраина вяло, но противно сопротивляется моему отъезду. Дважды дорогу мне перебегала собака, а один участок пути я вынуждена проследовать за велосипедистом, не пожелавшим посторониться. Выбираясь в нижнюю часть города, вздыхаю с облегчением. Уже смеркается. Фасады домов кое-где подсвечены; забавные фигурки, что то и дело попадают на глаза возле входов в

маленькие магазинчики, словно выходят на свой ночной бал среди рассыпанных огоньков. В этом уютном мире, однако, больше нет госпожи Вильхов. Поскольку я – материалистка, я понимаю, что ей ее отсутствие безразлично.

Мы столкнулись лицом к лицу, когда выбирали, куда сесть (на билетах на такие концерты места не указываются, и мы просто садимся на свободные). Она улыбнулась мне и сказала:

– Здравствуйте, господин Вильхов.

– Здравствуйте. Вы просто олицетворение неожиданности.

Не знаю, зачем я это сказал.

Взгляд мой выражает, видимо, растерянность: я не понимаю, надо ли предложить ей сесть на соседние стулья. Она это чувствует и сама предлагает:

– Если хотите, садитесь рядом.

Он согласно опускается на стул. До начала концерта еще минут десять. Зал полупустой. Впрочем, многие любят приходить в последний момент.

– Вы тоже любите орган? – спрашиваю.

– Да. Я часто бываю на таких концертах.

– А я нечасто. Но Гендель – это мое.

Мы немного посидели молча. Что-то толкнуло меня спросить:

– Вы сильно вините меня?

Он пожимает плечами. На нем светло-серый костюм, светло-голубая рубашка и темный узкий галстук. Выглядит он буднично, и мне нравится эта естественность. Вот уж здесь, под сводами собора, нам не надо быть какими-то другими, не такими, какие мы всегда. Ловлю себя на смешной мысли, что, если рассуждать в этом ключе последовательно, мы должны находиться в соборе нагишом – естественнее некуда.

– Вам тогда пришлось отпрашиваться с работы?

– Нет, – улыбается она. – Я сама себе начальница. Мы, нас четверо, снимаем в складчину помещение, чтобы вести прием. У каждого своя специализация. Так что все в порядке. Мне только пришлось отменить пару послеобеденных визитов.

– Но ведь это потеря дохода.

– Всех денег все равно не заработаешь.

Я согласен. Где-то я слышал циничную поговорку, что смысл жизни не в деньгах, а в их количестве. Чушь какая. Пока он молчит, свет гаснет, разговоры в зале стихают, и органист – высокий седовласый мужчина, незаметно (впрочем, мы не следили) успевший занять свое место за органом – извлекает первую долгую ноту. Стулья лишены подлокотников, и каждый управляет со своими руками, как умеет; Эрик держит их сцепленными перед собой, а мои лежат на коленях.

Концерт длится два часа без антракта, но я не заметила, как пролетело это время. Мы выходим вместе. Я немного медлю, потом (ему ведь идти пешком) предлагаю:

– Если хотите, я Вас подвезу.

У нее красный «фиат». Недорогая компактная машина. По правде говоря, мне хочется поскорее домой, и я говорю себе, что предложение госпожи Ковальски очень кстати.

Он чуть колеблется, но соглашается. Из вежливости? Или потому что согласиться практично? Или он хочет что-то еще мне сказать? Я хочу договориться посмотреть на то, что он строит, но как?

В машине я чувствую себя увереннее. Мне привычно чувствовать себя уверенно в ней.

– Вам нравится Ваша работа?

– Конечно, – говорит он.

– Расскажите.

Он достает из кармана пачку сигарет и зажигалку. Пачка – почти полная. Возможно, это означает, что он – не заядлый курильщик.

– Не возражаете? – спрашивает он.

– Нет. Хотя сама я не курю.

– И никогда не пробовали?

– Нет.

Потом добавляю:

– Я привыкла, потому что мой муж курил.

Он смотрит вопросительно. Как много рассказывала ему обо мне его мать?

– Он умер.

– Простите.

– Это был сердечный приступ. А я была далеко. На работе.

– Вы же не могли знать.

Страхиваю пепел за окошко и чуть поворачиваю голову к ней. Она ведет машину спокойно, ее руки лежат на рулевом колесе. Теперь я знаю, почему нет обручального кольца. Но она спрашивала о моей работе.

– Я проектирую загородные дома. Точнее, мы – потому что мой напарник занимается всеми расчетами и инженерными системами. Я только решаю, как все будет выглядеть.

– Только-то, – роняет она. – Это ведь и означает создавать красоту.

– Ну, – говорю я, – проектирование домов – далеко не только искусство.

Она кивает.

– Можно мне взглянуть когда-нибудь на то, что Вы делаете?

Неожиданный вопрос.

– На то, как начинает выглядеть дом? – спрашиваю.

– Нет. Когда он готов, но в него еще не въехали хозяева. Или почти готов. Сейчас есть такой?

Есть.

– Хорошо, – говорю.

А мне как раз интересно, как все постепенно случается: стены, окна, крыша, балкончики. Как добавляются всякие прелести. Как оживают интерьеры. Но я понимаю, что это только мне интересно. Так устроено любое творчество. Взять, например, писателя. Для него роман возникает сцена за сценой, фраза за фразой, а читателю хочется, чтобы роман был уже написан, и можно было бы его просто взять в руки и прочесть.

– Вы ведь знаете мой рабочий телефон?

Да, в маминой записной книжке остался. Снова страхиваю пепел. Быстро доехали – дорога на одну сигарету. Думаю о том, что она чувствует, оттого что не спасла мужа. Но я не скажу ей: «Не вините себя». Лучше не дотрагиваться до старых ран.

– Хорошо, госпожа Ковальски. Я выберу день и позвоню накануне. Так будет удобно?

– Зовите меня Ева, – сказала я.

Я замечаю перемену в ней: и вчера, и сегодня она тщательнее пудрится. Смешная: ведь ей перевалило за сорок. Страшно подумать, что мне тоже будет за сорок. С позавчерашнего концерта она вернулась позже, чем я ожидала, и я спросила, не решила ли она снова идти пешком. Она не ответила.

С кем-то у нее были ля-ля после концерта.

Это вызывает мое раздражение. Ни за что не хотела бы увидеть на месте отца кого-то другого.

Из зеркала на меня смотрит мое строгое лицо, волосы распущены, как у цыганки, и падают на спину. Мои густые ресницы почти не нуждаются в туши. Я стройна, как березка, и на моих ступнях нет косточек. А на ее есть – небольшие, правда.

В моей комнате стоит полуторная кровать, но смотреть кино я люблю не лежа в ней, а забравшись в кресло. Оно пушистое – как если бы я забралась в овечью шкуру. У широкого окна, которое сейчас распахнуто, и теплый ветерок приносит с улицы запахи лета, стоит мой рабочий стол. Рабочий – потому что на нем я леплю, когда приходит такое настроение.

Зеркало находится на стене напротив кровати, рядом с тумбочкой, где выключенный сейчас телевизор соседствует с видеомagneитофоном и маленькой вазочкой для цветов. Длинную лилию, которая в ней стоит, я купила себе сама. Лилии (и орхидеи) нравятся мне больше, чем розы. Парни, однако, дарят розы, не удосуживаясь спросить меня, какие цветы я люблю. Либо они глупы, либо интересуются не мной, а только моим телом. В том и другом случае я не интересуюсь ими.

Летние экзамены позади, до следующих занятий далеко, как до счастья, так что я совершенно свободна и предаюсь лепке, но сегодня у меня не получается (по-разному бывает!), и я даже злюсь. Залезаю в холодильник, достаю бутылку лимонада со вкусом лесных ягод. открываю. Хоть что-то приятное в жизни.

Он позвонил и сказал, что мы можем посмотреть на его творение завтра, но, если у меня еще нет планов на вечер, то можно и сегодня. «Я буду дома, – сказал он, – и Вы просто подъедете и погудите снизу». «Предпочитаю брать быка за рога», – ответила я и услышала негромкий смех. Затем я позвонила Анне предупредить, что сильно задержусь – пусть ужинает без меня. Конечно, она и так не стала бы меня дожидаться, но пусть чувствует себя совсем свободно. Она спросила, куда я собралась. «Мне покажут один загородный дом», – сказала я. «Ты что, собираешься его купить?» Я улыбнулась и сказала, что на меня всего лишь нашло любопытство.

Нам полчаса ехать от дома Эрика до места. По дороге он расспрашивает меня о матери. «У меня чувство, что в последнее время Вы говорили с ней больше, чем я», – объясняет он. Ему кажется, что он был слишком занят своей работой. «Знаете, мне казалось, что она будет всегда, – признается он. – А потом вдруг – раз, и оказывается поздно. Ни о чем уже не поговоришь». Да, я это понимаю. Но на самом деле я немного могу рассказать.

Я напомнила ему, что ко мне можно обращаться по имени. «Тогда пусть это будет взаимно», – отвечает он.

Нас свело несчастье, но есть ли в этом какой-то смысл? Я не знаю. Анна говорит, что я всегда знаю, чего хочу. Она преувеличивает.

Творение Эрика мне нравится, и вовсе не потому что нравится сам Эрик. У меня есть художественный вкус. Если бы я не выучилась на кардиолога, то, наверное, хотела бы работать где-нибудь в сфере искусства. У Анны тоже есть вкус, и она тоже избрала себе специальность, от искусства далекую – она станет переводчицей. Если не передумает, конечно. У нее часто меняется настроение.

Этот дом – маленький, но Эрику удалось наполнить его лакомствами – по крайней мере, для моего взгляда (о хозяевах я ничего не знаю; наверное, он беседовал с ними). «Ты

увлечен рококо?» – спрашиваю. Он признается, но говорит, что большую виллу строил бы совсем иначе. «А как?» – интересно мне. «Заранее трудно сказать, – говорит, – но мне кажется, что большое пространство должно украшаться меньше, а не больше, чем маленькое». Пожалуй, я согласна.

Я отвезла его обратно домой и, когда вернулась к себе, Анна уже спала. Дверь в ее комнату была приоткрыта, и я заглянула, очень осторожно. Моя девочка посапывает, ее худое тело, лежащее на боку, полуприкрыто простынкой, одеяла нет. На столе – комья Fimo, ничем не ставшие. Недавно она попробовала лепить из полимерной глины, и с того дня почти перестала использовать пластилин. Уже пятеро гномов стоят рядом на разделяющей стену надвое полке, подобно птицам, что расселись на электропроводе. Они покрыты красками и глазурью. Возможно, она пыталась сделать шестого? Я спрашивала ее, почему она начала с гномов, а не с Белоснежки. Она ответила, что еще не знает, будет ли вообще лепить Белоснежку, и это меня поначалу удивило, но потом я подумала, что в роли Белоснежки она просто может видеть себя.

Мысль о птицах на электропроводе вдруг оборачивается сожалением, что я так и не узнаю судьбу канареек подруги госпожи Вильхов. Я поворачиваюсь и ухожу в ванную. Спать не хочется, так что я купаюсь долго. Афродита не торопится одарить мир своей нагою красотой.

Утром валяюсь в постели дольше обычного; она успевает уйти на работу, а я, поднявшись, не знаю, чем буду заниматься. Бросив взгляд за окно, я вижу одинокую ворону на самой верхушке дерева, что стоит в нашем дворе. Она поворачивает голову то в одну сторону, то в другую, и не собирается взлетать. У нее черная голова и черные крылышки, а грудка светлее. Изогнувшись, она достает свое тело клювом и чистится. Некоторое время я бесстрастно наблюдаю за ней, затем мне надоедает, и я иду на кухню завтракать.

Когда я возвращаюсь в свою комнату, вороны на дереве больше нет.

Могла она в самом деле всего лишь посмотреть на дом? Да, но с какой стати он заинтересовал ее? Она не захотела сказать больше – почему?

Очень жарко. К чертям очередного гнома! Мои руки сами собой лепят ту ворону. Вот она постепенно возникает. В какой момент она взлетела с дерева? Я упустила этот момент.

Нет, я вовсе не думаю, что та ворона – я сама. Что-то общее есть, но люди – не птицы. И вовсе не потому что они не летают. Они вообще не птицы – совсем иначе устроены.

Прошла неделя, в течение которой звонят только пациенты, а он не позвонил. Я побывала на одном органном концерте, но случай не свел нас. Я даже проехала как-то раз мимо его дома – могла бы остановиться и погудеть. Но, оказавшись на месте, я не остановилась. Спрашиваю себя: «Зачем мне это?»

Мне не свойственно заниматься самокопанием; оставим это тем, кто ходит к психотерапевту. Так что мой вопрос нацелен не на то, чтобы понять себя, а на то, чтобы взять себя в руки. Чего я, собственно, ждала? Что вообразила? Он расспрашивал меня о матери, вот и все.

И все-таки я беру еще один билет. Когда органист уже занимает свое место, входит Эрик. Заметив его, я тут же отворачиваюсь, потом снова бросаю взгляд через плечо туда, где он только что стоял. Вижу его сающимся на стул в последнем ряду. В этот момент гаснет свет. Весь концерт я рассеянная, а в конце быстро поднимаюсь и окликаю Эрика. «Раз уж мы встретились, подвезти Вас?» – спрашиваю.

Мы садимся в мой «фиат» и едем.

– Мне нужен Ваш совет, – говорит Эрик. – Что делать с квартирой, где я живу? Для меня она слишком велика. Но там много маминых вещей. Тетушка Берта хочет взять их, а квартиру предлагает поменять на меньшую.

– Наверное, насчет обмена она права, – отвечаю. – А вот вещи я бы не отдала. Но это чисто мое. Я жадная до хороших вещей.

– Там есть много таких, которые я не назвал бы хорошими.

– Надо полагать, Вашей тетушке нужны не они.

– И еще есть кот. Мама любила его, но я как-то не стремлюсь иметь домашних животных.

– Почему?

– Не хочу привязываться.

– Вы боитесь утрат?

– Боюсь, – признается он. – Конечно, кот – не ребенок... Вот ребенка потерять было бы совсем страшно. И даже... когда он просто заболел, например.

Потом он добавляет:

– Близкие – всегда источник боли, потому что их боль становится твоей.

Я думаю, что он неправ, хотя понимаю, что он хочет сказать.

– Возможно, – говорит он, – некоторые вещи я отдал бы скорее Вам, чем тетушке Берте.

Когда я сказал это, то сказал абстрактно, но получилось так, что я приглашаю посмотреть. Она не смутилась, она продолжала внимательно глядеть на дорогу перед собой.

– Я тоже не стремлюсь иметь домашних животных, – говорит она. – Так что кота и в самом деле стоит отдать тетушке.

Значит ли это умолчание об остальном, что она приняла приглашение? До конца пути мы больше не говорим о моей квартире. Когда «фиат» останавливается возле моего дома, я бросаю на Еву вопросительный взгляд. Она видит это боковым зрением, наверное, поворачивается ко мне, молчит, и я спрашиваю:

– Ну так что, не слишком поздний час для Вас, чтобы посмотреть, не захотите ли взять что-нибудь?

Ева поводит бровями, улыбается.

– У меня дома только моя Анна, и она уж давно выросла и не ждет маму с работы, чтобы броситься ей на шею с рассказом, как она скучала без нее. Хотя... если у Вас слишком много вещей, которые Вы хотите показать...

Она хочет, чтобы я решил, чувствую я, и я решаю и говорю:

– Не слишком.

Она ставит машину на ручной тормоз, открывает водительскую дверцу и ступает на тротуар. Выхожу и я. Наверное, в этом доме есть консьержка? Да, есть – женщина лет пятидесяти, у нее небольшой зоб на шее и курчавые пока еще черные волосы. «Добрый вечер!» – говорит ей Эрик, проходя мимо. Потом мы поднимаемся на третий этаж, и я произношу: «Моя квартира – тоже на третьем этаже».

Из глубины вытянутой прихожей к нам сразу выпрыгивает, изгибая узкую спину, кот – хорошенький, белый с вкраплениями рыжего возле ушей и на боках. К моим ногам он подходит сразу. Я не испытываю тяги нежничать с ним, но все-таки мурлыкаю не хуже него: «Кис-кис».

Эрик хочет подать мне тапочки госпожи Вильхов, но как раз эта ее вещь – точно не для меня. Он видит, что тапочки будут малы, и смущается. «О, ничего, мне вовсе не нужно», – успокаиваю его я. «Погодите, в шкафчике есть другие», – говорит он, однако, рассмеявшись, я просто спрашиваю: «И куда?» «У нас четыре комнаты», – отвечает Эрик, и, по-видимому, это приглашение посмотреть их все. «И во всех есть ее вещи?» – продолжает она смеяться, и я шучу, что не подготовился к нашей встрече и не собрал все вместе. Виконт продолжает лгнуть к ее ногам. Я открываю дверь налево, за которой – ванная комната с умывальником, со словами: «Здесь можно вымыть руки». Она кивает и проходит. Пол выложен кафельной плиткой, но она подогревается; мой взгляд скользит по зеркалу возле умывальника, самому умывальнику, этажерке, уставленной флакончиками, шкафчику с отверстием, за которым скрывается кошачий туалет («Виконт, довольно!» – сердито кричит Эрик; теперь я, наконец, знаю, как зовут кота), розовому пластиковому массажному коврику перед ванной и останавливается на ней самой – на том, что мне любопытнее всего. На кранчиках – чешуйчатые головы драконов, белого и огненного. На шторке, что сейчас закрывает ванну наполовину – пестрые цветы. Госпоже Вильхов нравилось, чтобы все выглядело мило.

– Это все – как нравилось ей? – спрашиваю риторически.

– Да, – говорит Эрик. – Вся квартира, кроме моей комнаты.

– Какое мое полотенце?

– Любое, – пожимает плечами он.

Из трех я выбираю среднее (просто не хочу крайние). Потом мы проходим в гостиную со старинным камином.

– Вот эти подсвечники тетушка Берта хочет взять.

Они действительно хороши, и я не скрываю, что они мне нравятся. Однако, мне вдруг приходит в голову мысль, которая должна была бы прийти раньше.

– Послушайте, Эрик, ведь Вы не можете отдать их мне. Как Вы будете это объяснять?

Мне не кажется, что я должен что-то объяснять. Вообще ненавижу этим заниматься. И тетушке Берте незачем знать, куда подевались эти подсвечники. В этот момент моей заочной на нее сердитости из-за вопросов, которые, вообще-то, она еще не задала, и которые я только ожидаю услышать, раздается телефонный звонок. Я неохотно снимаю трубку и слышу голос той дальней родственницы, Хелены. Она просто хочет знать, как у меня дела. Ну, конечно. Мне хочется быть грубым, однако я сдерживаю себя и произношу несколько бессмысленных фраз, а потом говорю: «Извините, я только что вернулся домой, и мне надо заняться домашними делами. До свидания, Хелена». Она пытается многословно сказать, что понимает. Я вешаю трубку. «Родственница», – говорю, повернувшись к Еве. Я так и подумала, потому что он назвал ее по имени, но обращался на «вы». По всему было видно, что эта Хелена его совсем не интересует. «Это действующий камин?» – спрашиваю. Мне действительно любопытно. «Да», – отвечает Эрик. Он стоит близко, и вдруг наши руки непроизвольно касаются друг друга, и никто из нас не онимает руку; наоборот, Эрик берет вторую мою руку в свою. Я опускаю глаза. Ростом он чуть выше. Мы не произносим ни слова, его вопрос безмолвен, и мой ответ тоже, и это прекрасное мгновение длится.

– Я должна позвонить Анне, – говорю я затем, между поцелуями.

Многие предпочитают держать телефон на тумбочке возле кровати, чтобы можно было не высказывать, если что, из постели, а просто протянуть руку. Но я согласна с Эриком, что гостиная – более подходящее место (а сама держу телефон в прихожей). Если какому-то гостю надо позвонить, он не тащится, куда не следует. Бывают, конечно, люди, у которых не бывает гостей. Детективы какие-нибудь... ну, не знаю.

– Анна, – говорю, – я не приеду сегодня домой. Не волнуйся за меня. У меня все в порядке.

– Что в порядке?! – кричит она.

– Все.

По-моему, это исчерпывающий и правильный ответ. Но Анна явно нервничает. Может, потому что она все еще одинока? Сейчас мне об этом думать не хочется.

Впервые за долгое время я, вместо того чтобы принять ванну, выбираю душ – это быстрее.

Итак, я все верно предчувствовала. Ну, и кто же он? Веселая вдова повстречала постаревшего бывшего плейбоя? Вот, как я назвала ее... Какая я дурная!

Кто бы он ни был, он не станет мне новым отцом.

Я плохо выпалась и чувствую себя с ватной головой. Но снова заснуть едва ли получится. К тому же, у нас закончились яйца, сметана, мало овощей... Это все – на мне, я ведь занята только ничегонеделанием. Нравятся ли ей мои гномы? Она почему-то думала, что я вылеплю Белоснежку.

Эта история – детская сказка. В ней все мило, и даже злая мачеха умирает тихой безболезненной смертью – от переполнения злостью. В реальности, думаю, домашние обязанности Белоснежки могли простираться дальше, чем приготовление еды, мытье посуды, стирка и штопание гномьих шмоток, распевание песенок да танцульки. Может, поначалу только это и было, да ведь бежать Белоснежке в том лесу было некуда, и гномы знали это. А мы ведь склонны пользоваться своей властью. Интересно, это только мне приходит в голову? Ну, а потом, когда жених разыскал ее и разбудил – неужели гномы были согласны вот так просто позволить ему увести их сокровище? Думаю, они бы как-нибудь убили его. Их было семеро, и они были хитрецами.

Я не вылеплю Белоснежку, потому что боюсь отдать ее гномам. Но, конечно, я не признаюсь в этом.

Итак, мне надо выйти за продуктами. И ничего не забыть. Надо получше провести инвентаризацию, не отвлекаясь на мысли о том, что она не ночевала дома.

От Эрика я сразу на работу, сегодня приходит господин Гуссман, который всегда выбирает утренние часы. Но вещи госпожи Вильхов я все же успеваю посмотреть, и квартиру тоже. У Эрика одна большая комната, он и работает в ней и спит. Две комнаты поменьше – спальня госпожи Вильхов и ее покойного мужа и спальня для какого-нибудь гостя. На потолках везде лепнина, даже в прихожей (впрочем, нет, не везде, в ванной комнате потолок плиточный), в семейной спальне Вильхов – шпалеры. Много бронзы. Эрик с детства привык к изысканным старинным вещам. Для меня же красота вещей – совсем другая. Не в том смысле, что я не ценю эту классическую красоту, а просто мне нужен эмоциональный контакт с вещью, и даже нечто совсем простенькое может стать родным. Я говорю, что тетушке Берте здесь есть, чем поживиться. Уходя, целую Эрика. Мы оба не знаем, была ли то всего лишь вспышка спонтанного, мимолетного чувства. «Теперь твоя очередь взглянуть на мой дом, – сказала я, улыбаясь. – И я познакомлю тебя с Анной. Если хочешь, можешь прийти сегодня». На том и порешили – я заеду за ним и отвезу к себе.

Однако, днем он позвонил мне на работу и сказал, что может быть занят допоздна, потому что новый заказчик хочет встретиться с ним и его компаньоном. «Хорошо, – сказала я, – тогда завтра?» «Я позвоню», – сказал он.

Вернувшись домой как обычно, я вижу, что Анна забралась в свое любимое кресло и смотрит кино. Она сделала звук погромче, чтобы не мешал монотонный монолог, доносящийся сверху.

В нашем доме хорошая звукоизоляция, и все-таки соседей сверху бывает слышно. На счастье, там живет одинокий старичок, почти все время проводящий во сне. Когда он все-таки просыпается, то начинает нараспев декламировать. Я спросила его однажды, почему. Оказалось, он когда-то играл в театре, но во время войны убили его жену, тоже актрису, они в труппе и познакомились. Пьяные офицеры стащили ее со сцены, изнасиловали и убили, и он не сумел ее защитить. С тех пор он не выходил на сцену, просто не может выходить – его душит память. «Не знаю, как случилось, что я рассказал вам это», – сказал он мне.

Наверное, я внушаю доверие – это профессиональное.

Вот и сейчас этот старичок ходит по комнате и декламирует.

Киносеанс в комнате Анны длится еще долго; я в это время ужинаю (а она кричит, что поест позже одна) и ухожу к себе. У меня такое же кресло, как у Анны, и, сидя в нем, я смотрю на часы с маятником на стене (вот вещь, с которой у меня контакт; может быть, дело в том, что сердце – тоже своего рода маятник), потом на фиалки на подоконнике и задумываюсь. Марек, если бы тот свет существовал, наверное, был бы только рад за меня, глядя оттуда; поскольку же того света нет, все дело в том, что думаю я сама. А я думаю, что снова чувствую себя женщиной.

Ключ поворачивается в замочной скважине, дверь, обитая красноватой кожей, открывается, и Ева пропускает меня вперед, легонько подталкивая в спину. В прихожей полумрак.

– Buonasera, cara! – кричит Ева дочери, которая где-то у себя.

– Non mi aspettavo di vederti, – отзывается та.

– Incontrarlo!

Я не понимаю по-итальянски, кроме Евиного приветствия. Из дальней комнаты через открывшуюся дверь выплескивается свет, и выглядывает рослая стройная темноволосая девушка. На лице ее, когда она видит меня, отражается абсолютное изумление.

– Его зовут Эрик, – представляет меня Ева. – Эрик, это моя дочь Анна.

– Будем знакомы, – говорит он. Я ожидала чего угодно, только не такого. Моя работа над шестым гномом безжалостно прервана.

– Ты ужинала? – спрашивает она меня.

– Еще нет. Ты сегодня рано.

Эта колкость, продолжающая начальную линию разговора, не производит впечатления. Она сбрасывает туфли и передает своего юного блондина мне:

– Покажи Эрику квартиру, пока я переоденусь и приготовлю ужин.

Конечно, я не могу быть занята.

Но я охотно соглашаюсь.

– Раз уж Вашим гидом стала я, – говорю, – то начну со своей комнаты. Пойдемте.

– О, – говорит он, видя заготовку гнома на моем рабочем столе.

– Это хобби, – объясняю я.

Он внимательно разглядывает пятерых, что на полке.

– Можно взять в руки?

– Конечно.

Колпачки на всех пятерых – красные. Когда я раскрашивала второго, был соблазн сделать ему оранжевый колпачок и далее проскакать по всей радуге. Или не оранжевый, а желтый, потому что нота ре – желтая (был такой русский композитор – Скрябин, и он утверждал, что до – это красный цвет, ре – желтый, ми – голубой, фа – фиолетовый, соль – оранжевый, ля – зеленый, си – синий; я не люблю такие теории, но музыка Скрябина мне нравится). Однако, я подумала-подумала и сделала снова красный. Пусть будет конклав кардиналов.

Но, в совершенно одинаковых колпачках, эти гномы разные лицами. Он вглядывается в них, но сможет ли понять?

В сущности, больше в моей комнате нечего смотреть. Можно еще выглянуть в окно, оно выходит во двор; там стоит дерево. Липа.

– Пойдемте дальше? – предлагаю.

Он следует за мной, и я открываю дверь в отцовскую комнату. Здесь только письменный стол, за которым он работал, и книги, книги, книги на застекленных полках. Эрик видит много книг по инженерному делу, и они его особенно интересуют.

– Целая библиотека! – произношу с улыбкой. – А кто Вы по профессии, что Вам это интересно?

– Архитектор.

– О, – говорю, – здорово.

– А отец, – добавляю, – был инженером. Проектировал котельные.

Это не помогает его разговорить, и я перехожу в режим Standby. Он долго рассматривает книги. Мне, пожалуй, это неприятно. Лучше бы этот Эрик был бухгалтером, например. Или переводчиком, как я.

– Как там у тебя? – кричу матери.

– Скоро!

– Здесь – выход на балкон, – показываю ему. – Только эти окна выходят на улицу, остальные во двор.

На балконе до сих пор стоит отцовская пепельница. Эрик кивает, однако нет ничего интересного в том, чтобы выйти на балкон.

– Пойдемте дальше?

Я все равно не могу пересмотреть здесь все, так что согласен продолжить осмотр. Анна ведет меня в третью комнату, которой больше нечем быть, кроме как комнатой Евы. Она больше двух других, и здесь размещается много мебели: два платяных шкафа, на одном из которых громоздится еще и сундук, сервант с посудой, телевизор на тумбочке, трюмо (и на нем, среди прочего, два подсвечника, что она забрала, и мне приятно увидеть их), кресло – копия того, что в комнате Анны, прикроватный столик, на котором стоит лампа с оранжевым абажуром (вообще все тона здесь – теплые, и даже картина на стене – копия «Подсолнухов» Ван Гога), и сама кровать, двуспальная, с высокой стенкой в изголовье. Коврик возле кровати – имитация леопардовой шкуры. Часы с маятником. Четыре горшочка с фиалками на подоконнике.

– Нравится? – спрашивает Анна.

Ей идет эта блузка. Горизонтальные полосы подчеркивают грудь. Кроме того, они ассоциируются с морем, как и ее белые расклешенные брюки и босые ноги. Я очень давно не был на море.

– На кухню не пойдем, не будем мешать. Ой, извините, – вдруг рассмеялась я, – я же вообще не с того начала! Стоило упомянуть кухню, как поняла это.

Ловлю его непонимающий взгляд.

– Обычно же начинают с того, что предлагают что-нибудь выпить! В кино всегда так.

Он чуть улыбается, впервые за вечер.

– А теперь уж поздно, – продолжаю. – Извините. Сама-то не пью совсем.

– Вот как? – удивляется он. – И даже пиво?

– Только лимонад, зеленый чай, а, впрочем, можно и черный, кофе.

– И даже в ваших студенческих компаниях?

– Не пью совсем.

– Молодец, – неожиданно хвалит он.

– Парни считают, что это, наоборот, скучно, – говорю. Пусть будет это противопоставление: он и какие-то «парни». И тут же думаю: «Зачем?» – Я их понимаю так, что когда девушка пьет и курит травку, она доступнее.

Он неразговорчив и на мое предложение обсудить девичью доступность не реагирует. Сколько времени можно готовить ужин! Почему я должна развлекать ее любовника?

– Надеюсь, она скоро закончит, – говорю.

Но пока что я плавным, исполненным изящества и театральности жестом приглашаю его сесть в кресло, а сама присаживаюсь на кровать, вытягиваю ноги и, опираясь на кулачки, слегка откидываюсь назад. Он садится, немного наклоняясь вперед, и в нем чувствуется какая-то напряженность, как будто он не знает, как себя со мной вести. Так мы сидим и молчим, а потом слышим: «Все готово, идите сюда!»

Сюда – это значит на кухню.

– Я уже посидел в твоём кресле, – сказал я весело. – О, да ты решила меня поразить!

Ева пожарила котлетки с мелко нарезанным картофелем, состряпала омлет с грибами, выложила на большое фаянсовое блюдо содержимое банки маринованных огурчиков и даже украсила его зеленью. Изящный, несмотря на свою пузатость, чайничек был полон ароматной заварки, и три расписанные сценками из греческой мифологии пиалы (уже не фаянс, а фарфор) составляли ему очаровательную компанию. В конфетнице – мармеладки.

Но мы еще по дороге в машине определились – конечно, я не останусь у нее. Мы должны быть в доме вдвоем. Только вдвоем. Так что я даже оставил себе работу, займусь ею по возвращении.

Его правда – она постаралась.

Мы миленько поужинали, а потом вдруг оказалось, что ему надо уходить. Неожиданно! Я думала, он заночует. Все же она повела его взглянуть на последнее в доме, что я показывать не стала, оставив это ей самой – на ванную. Они пробыли там некоторое время, а как вышли, сразу стали прощаться. И мне он говорит: «До свидания». «Ciao», – отвечаю, не задавая лишних вопросов.

Она не везет его домой, он берет такси.

– Позвоню тебе завтра, – говорит он ей, стоя на пороге, и она кивает.

Как только за ним затворяется дверь, я кричу ей:

– Ты с ума сошла!

– Почему бы нет, – говорит она так просто, как будто мы обсуждаем, не пойти ли нам в кино.

– Сколько ему лет?

– Двадцать пять.

– Ах, двадцать пять! – восклицаю я ехидно. – Значит, он всего-то лет на шестнадцать моложе. Ну-ну.

– Послушай, Анна, – говорит она. – Во-первых, это, может быть, уже закончилось. Во-вторых, ты разве не находишь, что это наше с Эриком дело?

– Прости, это прозвучало грубо, – добавляет она, смутившись.

– Ладно. Кто он вообще такой? – спросила Анна.

Я рассказала.

– Понятно. Мальчик остался один и нуждается в новой мамочке.

– Не смей так говорить! – воскликнула я. – Да... это правда, что ему одиноко. Но я ему вовсе не мамочка и не хотела бы ею быть!

Когда она идет омыwać свое прекрасное тело немамочки, я захожу к ней, открываю ее сумочку и достаю оттуда записную книжку. Листаю и нахожу телефон Эрика. Записываю его. Кладу все на место.

Он ничего не сказал о моих гномах, хотя рассмотрел каждого. А между тем, это будут семь смертных грехов. Вот дом, куда попадает бегущая Белоснежка. Конечно, у меня может не получиться то, что я хочу, но я стараюсь. Два греха – зависть и алчность – пока не заняли место на полке.

Эрик позвонил днем; трубку взяла не я, и ему объяснили, что сейчас у меня пациент, и что меня позовут, только если дело совсем срочное, а в противном случае я сама перезвоню, как освобожусь. Когда я перезвонила, он сказал:

– Сегодня вечером у нас опять встреча с новым заказчиком. Кажется, его жизнь всегда начинается только около полуночи. Потом придется, наверное, еще работать. Но до этого мы можем встретиться. Давай зайдем в кофейню возле тебя. Во сколько ты сегодня заканчиваешь?

– Где-то в шесть, – сказала я.

– Я буду внизу, – сказал он. – Пока.

Мы встретились и пошли в ближайшую кофейню, где нашелся свободный столик. Еще по дороге он спросил:

– Ты никогда не думала, что Анне пора жить отдельно?

– Ну, – сказала я, – когда она доучится и начнет работать, то, наверное, будет снимать жилье.

– Я понимаю, что у нее сейчас нет денег. Но ты – ты экономишь?

По правде, я об этом не думала, и так и говорю. Вообще-то, он прав. У Анны может быть своя личная жизнь, а я своим присутствием вношу неудобство. Но сейчас у нее никого, я знаю. А у меня действительно нет лишних денег.

– Тетушка Берта приходила днем, – рассказывает он, когда мы кое-как устраиваемся.

– О! И как ты ей объяснил, куда исчезли подсвечники?

– Никак. Сказал, что вообще не уверен, что буду что-то отдавать.

– Даже Виконта? – смеюсь я.

– Даже его.

Верно ли я понимаю? Пока что, прищурив глаза, вздыхаю:

– Какое разочарование для тетушки Берты!

– Не смейся. Мы немного поцапались. Она почему-то считает, что я ей уже пообещал.

– А разве нет?

– Нет. И мне не нравится, что она проявляет такое участие.

– Ты должен быть с ней любезным. Хорошая тренировка, между прочим, чтобы быть любезным с заказчиками.

– Я могу быть любезным, когда хочу. Но в данном случае я не хочу.

Ева качает головой. У меня мелькает мысль послать к черту сегодняшнюю встречу и вместо этого позвать к себе ее. Говорю себе, что так нельзя. С другой стороны, у меня ведь целых четыре комнаты. Четыре!

Она могла бы переехать ко мне. И для Анны хорошо.

– Расскажи мне больше о своей семье.

Зачем? Я бы хотел, наоборот, чтобы мир был узким. Я и она. Еще, конечно, работа.

– Я не очень хорошо с ними всеми знаком, – говорю. – На похоронах были некоторые такие, о ком я не имел представления. Странное ощущение, когда тебе соболезнуют незнакомцы.

– Я была одной из них, – сказала Ева.

Наши руки на поверхности столика соприкасаются, и я глажу ее тонкие, нежные пальцы. Мир замечателен. И в этот момент он именно так узок, как мне хочется.

– И все-таки расскажи что-нибудь, – просит она, – мне интересно.

Ох уж это женское любопытство! Еве, конечно, можно. Однако, что сказать? Мой первый проект был для дяди Мартина. Об этом и скажу.

– Так получается, что семья приняла участие в твоей карьере! – улыбаюсь я.

Он соглашается, хотя видно, что для него это обстоятельство несущественно. В этот момент входит невысокая девушка в темных солнцезащитных очках, джинсах и светлой

футболке с розовой надписью Paradise на груди; я сразу ее заметила, потому что она заметила нас и к нам направилась.

– Эрик! – воскликнула она.

Не думаю, что для нее эта встреча – неожиданность.

– Хелена, что ты здесь делаешь! – проговорил Эрик недовольным тоном. Ага, так вот кто эта Хелена.

– Зашла выпить кофе с круассаном, – сказала она. – А Вы, – обратилась она ко мне, – Вы... где-то мы виделись...

– Меня зовут Ева Ковальски, – сказала я дружелюбно.

Но Эрик очень рассержен.

С одной стороны, вот она – возможность познакомиться с кем-то из его семьи. С другой, мне кажется, что лучше уйти и не участвовать в предстоящем неприятном разговоре. С третьей, сделать это все равно не получится, потому что Эрик уйдет со мной. Прокрутив это в голове, я сижу и смотрю на чашку перед собой.

Она читает раздражение на его лице и говорит:

– Ах, я помешала?

– Мы уже уходим, – говорит Эрик. – Ты можешь взять свой кофе с круассаном и расслабиться.

– Госпожа Ковальски – твой заказчик? – любопытствует Хелена. Эта версия была бы ей приятнее, однако Эрик говорит:

– Нет.

С этими словами он поднимается с места. Я следую за ним. Мы с Хеленой обмениваемся взглядами. Из-за темных очков мне не видны ее глаза. Что ж. Не лучшее начало знакомства с его семьей! Но ведь, если он хочет, чтобы я перебралась к нему, нам надо налаживать контакты.

Мы садимся в машину, и я говорю:

– Бедная девушка! Не будь с ней так жесток.

– Надеюсь, она поняла, что не надо доставать меня!

– Ну, – говорю, – из того, что она поняла, не следует, что она так просто сдастся.

Его лицо в зеркальце мрачно.

Возле его дома припаркован длинный синий «фольксваген». Это, объясняет Эрик, авто Франца – так зовут его компаньона. Он почему-то приехал раньше, чем Эрик ожидал. Зачем так заранее? Эрик снова сердится. Похоже, сегодня это его удел. Я пожимаю плечами и еду домой.

Пока я обсуждала с Эриком Анну, тетушку Берту, дядю Мартина и Хелену, на полке появился шестой гном.

– Отлично, – сказала я, – ты молодец.

Я тоже так считаю. А она, значит, пришла домой, хотя наверняка встречалась с ним, потому что сильно задержалась.

– Как он поживает? – спрашиваю.

– Нормально. Но у него заказчик, с которым он должен встретиться в полночь.

– Он вампир?

Она смеется. У нее все еще безукоризненные белые зубки. Будут ли у меня такие же в ее возрасте? Боюсь даже думать об этом. Впрочем, как минимум, я могу положиться на хорошие гены.

– А что, это было бы интересно! – говорю.

– Ты права, – говорит она. – Однако, все гораздо скучнее.

– Жаль.

– Ты голодная или поела без меня?

– Я же не знала, приедешь ты или нет. Так что пожарила колбаски. А ты разве не ужинала с ним?

– Мы только посидели в кофейне.

– Ясно, – говорю.

Ухожу на кухню. Анна собирается смотреть кино. Как ни странно, мы никогда не смотрим кино вместе. Тому нет особых причин – просто такова традиция.

На следующий день у меня ни одного постоянно наблюдаемого пациента, но утром в приемной ожидают сразу двое – мужчина лет пятидесяти пяти, с виду гипертоник, и такого же возраста маленькая полноватая женщина с медно-красными (вероятно, окрашенными хной) кудряшками, одетая элегантно и сразу посмотревшая на меня испытующе.

Она проходит первой.

– Доброе утро, – говорю я. – Как Вас зовут?

– Берта Снифферс, – отвечает женщина, и я догадываюсь, кто она. Должно быть, на моем лице ясно отражается, что я догадалась, потому как Берта Снифферс ядовито произносит: «Ага».

– Так Вы ко мне по рекомендации Эрика или...

– Или, – говорит она.

– В таком случае... может быть, я сначала приму того мужчину? – стараюсь я быть вежливой, как рекомендовала Эрику.

– Я не отниму у Вас много времени. Разговор наш очень короткий. Вы должны вернуть подсвечники – ведь это Вам он их отдал? И вообще оставить его в покое. Понимаете? Вы должны это понимать!

Не слишком ли много я должна? Тетушка Берта полагает, что именно она знает, кто что должен.

– Если Вы считаете, что это короткий разговор, – отвечаю я, как-то забывая о любезности, – то и я буду так считать. Эрик не Ваш сын, и он взрослый, и он поступает, как находит нужным. Это все, что я хочу сказать. А теперь...

– О, – улыбается тетушка Берта, – я совершенно не оспариваю самостоятельность Эрика. Но речь о Вас. Спросите себя: если бы его мать была жива и знала о Ваших отношениях, она бы их одобрила?

Этого я не знаю.

Если бы его мать была жива, мы бы, вероятно, никогда не встретились. Когда начинаешь о таком думать, становится жутковато.

– Так Вы вернете подсвечники? – твердым голосом спрашивает госпожа Снифферс.

– Нет, – говорю. – Вот этого я не сделаю точно. Даже если представить себе, что мы с Эриком расстанемся.

– Вы должны расстаться. Ведь Ваша работа – спасать людей, а не губить. Вы должны оставить его в покое.

– По-вашему, я его погублю?

– Конечно. Ему нужна жена, с которой он сможет появляться в обществе. При его роде занятий ему надо появляться в обществе. А такой мезальянс, как с Вами, будет осуждаться, и это повредит ему. Вы должны это понимать!

– Идите, – говорю я. – Вы, может быть, даже правы. Но сейчас я хочу принять пациента, которому, надеюсь, могу помочь. Вам я помочь не могу.

Последние слова я произношу тихо.

– А Эрику? – спрашивает она, оборачиваясь ко мне в дверях. Я молчу, и она все-таки уходит.

Я вовсе не уверена, что ее так сильно заботит будущее Эрика, а не вещи госпожи Вильхов, но какая разница! Это, конечно, Хелена успела ее науськать. И теперь я в растерянности, потому что аргументы госпожи Снифферс реальны.

Эрик звонит ближе к вечеру и говорит, что к нему хотят прийти в гости тетюшка Берта и тетюшка Эмилия – та совсем стара, может помереть в любой день, и ему было трудно ей отказать. Я отвечаю, что он прав. «Но завтрашний вечер будет наш», – обещает он. «Да», – говорю я, хотя вовсе не уверена.

У меня в этом городе нет родных, только Анна. Есть, правда, родители Марека, они еще живы, но за прошедшие с его смерти три года я навещала их всего один раз. У них своя жизнь, у меня своя. Так что я совсем не привыкла к участию родственников в моих делах. У Эрика ситуация другая.

Тетюшка Берта не намерена терять ни минуты и будет грызть его этим вечером, а он будет злиться. Не люблю, когда он злится. Люблю, когда его глаза добрые и красивые.

Я никогда не приносила себя в жертву, а сейчас этого от меня хотят все – и родня Эрика, и Анна тоже. «Ведь ты старше, – вливают они мне в уши, – возьми это на себя, прими решение». Как мать? С какой стати!

Как возлюбленная, я жду не дождусь завтрашнего вечера.

Возлюбленная? Так ли много значит одна проведенная вместе ночь! Он меня даже толком не знает. И он не звал меня переехать жить с ним, хотя мог бы. Например, когда мы говорили, что Анне пора жить самостоятельно.

Голову осаждают мысли, отвратительные, словно выющиеся вокруг мухи.

Я подхватила какой-то вирус. Даже вирусы – на их стороне! Горло саднит, ноги ватные, голова болит, градусник показывает 37,5. В таком состоянии я не могу выйти на работу, и встречаться с Эриком тоже не могу. Поэтому я звоню сначала господину Брюлю, прием которого назначен на утро, и который, к счастью, не вышел из дома раньше, чтобы пройтись поутру, и приношу свои извинения, а затем в наш офис, где господин Шмидт, невролог, уже на месте, и объясняю ситуацию. Когда необходимые меры приняты, я звоню Эрику сказать, что этим вечером мы не встретимся тоже.

Он воспринимает это с печалью, но не собирается навестить меня.

– У тебя много работы? – спрашиваю я как бы невзначай.

– Очень, – отвечает Эрик. – Начальная стадия проекта – всегда самая трудная. Надо увидеть будущий дом и показать его заказчику, хотя ничего еще толком не продумано.

Наверное, так.

Мне не хочется расспрашивать его, как прошел вчерашний вечер с тетусками, и сам он не говорит. Можно догадаться.

Она замотала себе горло шарфом, надела шерстяные носки и лежит в постели. Я пытаюсь быть полезной. Однако, я вдохновлена отличной погодой и хочу прогуляться. Мое любимое место – набережная, а вовсе не тенистые дорожки в парке. По реке то и дело снуют катера. Несложно найти какого-нибудь владельца катера, который предложит мне прокатиться, но я этого не делаю. Вот если бы у Эрика был катер, я бы с радостью. Он мне нравится, в нем есть загадка. Нравлюсь ли я ему? Он мог бы зайти к нам под любым предлогом и увидеть меня. Осознание этого повергает меня в меланхолию, и взгляд мой грустно скользит по проносящимся катерам, на которых кто-то радуется жизни, смеясь, крича что-то и подставляя полуголые тела полуденному солнцу и несущему брызги ветру, по медленно рассекающей воды длинной барже, по перекинувшемуся через реку мосту впереди, по рыбацким лодкам. Несмотря на меланхолию, я шагаю быстро – это привычка. И я никогда не знаю, в какой момент поверну назад.

Вот уж не думала никогда, что моей соперницей станет родная мать. Ну, и на что я готова?

Мне вспоминается (и, наверное, всегда будет вспоминаться) Барбара, ее дикие от ужаса глаза. Когда она увела у меня Милоша, и мне стало ясно, что у нас с ним все кончено, я попросила Юргена, такого неуместного в той ситуации и потешного, думавшего, что вот теперь я могу достаться ему, помочь. Мы ее только попугаем, сказала я, и мы действительно ее только попугали – но зато как!

Юрген хорошо учился, а Милош – так себе, и Барбара тоже. Однажды, когда Барбара схватила плохую оценку и получила допздание на дом, с которым, конечно же, не могла справиться, Юрген подошел к ней и предложил помочь. «Я хочу за это только один поцелуй», – сказал он. Она покраснела, но не так уж страшно было разок поцеловаться с Юргеном, и, в общем, она сказала: «Ладно». Так мы заманили ее в школьную кладовку, укромное место, где можно было целоваться никем не замеченными, но среди хлама пряталась я. Осторожно, тихонько я подкралась сзади, пока Барбара с Юргеном обнимались, и шепнула ей на ухо: «Эй!» Я сделала это так нежно, как будто любила ее и сейчас любовно прикасалась к ней этим словом. Она ахнула, и я успела впихнуть ей в рот кусок тряпки, а потом мы запихали всю тряпку целиком; она была большущая, чтобы точно заполнить весь рот, и вонючая. Барбара сопротивлялась, но нас было двое, и мы связали ей руки и ноги леской. Потом Юрген вышел караулить, а я сделала, что задумала, хотя мне самой было страшно.

Я шепнула ей: «Вот сейчас я могу сделать с тобой, что угодно. А ты понимаешь, что мне угодно?» Она мычала и мотала головой, выражая этим «нет» во всех отношениях. Я достала маникюрные ножницы, растянула ей блузку и лифчик и сказала: «Мне угодно кое-что тебе отрезать. Чтобы ты не соблазняла чужих парней».

Ножницы холодно коснулись ее розовой плоти. Вот тут я и увидела в ее глазах, откуда слезы безудержно лились и лились, и текли по ее щекам, подбородку, шее, смертельный ужас. Мои пальцы чуть сдвинулись; это было непросто – рассчитать движение так, чтобы она почувствовала самое начало, но ничего еще не случилось бы. Я отчеканила двусмысленное: «Все», – и убрала ножницы.

«Сейчас ты выйдешь отсюда первой, – сказала я, разрезая леску, – и не будешь ни кричать, ни реветь. И никому. Никогда. Ничего. Не расскажешь. Понятно? Иначе я на самом деле сделаю из тебя фарш».

До самого выпуска из школы мы больше не говорили друг другу ни слова. И с Милошем я тоже не говорила – а странно: ведь поначалу я думала, что Барбара от страха отвалит, оставив его мне. Однако, я отчего-то вдруг расхотела.

Не знаю, что с ними сейчас, и где они – не интересовалась. Может ли она отдаваться ему, не воскрешая в сознании то мгновение? Или страх навечно поселился в ней?

Возможно, они давным давно расстались.

Река поворачивает. В этом месте набережная переходит в маленький пляж, обрамленный парковой зоной. По пляжу с воплями бегают счастливая ребятня. В тени деревьев стоят скамеечки, но сейчас нет ни одной свободной. Ладно, я выгуляла себя и пойду домой.

Температура еще немного поднялась, но я все же не стану обращаться к врачу. Все такие болячки за несколько дней проходят. Но у меня есть, таким образом, время поразмыслить. Все происходит к лучшему – убеждаю себя. Анна возвращается с прогулки; я спрашиваю: «Жарко там?» «Сильный ветер на реке», – говорит она.

Вечером Эрик звонит справиться о моем здоровье. «Ничего страшного, – отвечаю, – пройдет. А у тебя как?» «Скучаю», – признается Эрик. Тут я могла бы сказать: «И я тоже», и, наверное, он примчался бы. Вместо этого я говорю: «Потерпи». Этими словами, прозвучавшими по-матерински, я недовольна, однако они произнесены... Не хочу, чтобы он сейчас пришел (хотя и хочу тоже).

Обещаю позвонить, когда буду на ногах.

На следующий день мне лучше, но я еще не на ногах и остаюсь дома. Жду, что Эрик объявится – и жду напрасно: он, по-видимому, терпит...

Франц позвонил мне и спросил, помню ли я, что сегодня прихожу праздновать его день рождения. Ох, я совсем об этом позабыл! Но признаваться в этом неловко, и я отвечаю: «Конечно же». «У меня дома в шесть вечера, – говорит Франц. – Ты будешь один?» «Да», – отвечаю. Мне хотелось бы сказать: «Нет, я буду с подругой. Познакомлю тебя с ней». Но, во-первых, Ева болеет, а, во-вторых, меня гложет червь сомнения. То, что хором утверждали тетушки Берта и Эмилия (я выпроводил их поскорее, но успел послушаться), вероятно, совпадает с точкой зрения Франца и его гостей – так зачем подставлять Еву под огонь их косых взглядов! Мы только поругаемся на этой почве. В этот миг я понимаю, что предпочел бы, чтобы Ева была моей тайной любовницей, а вовсе не хозяйкой в моем доме, и это ужасает меня.

У Франца собственный дом, небольшой, но все-таки это не квартира с соседями наверху, внизу и на этаже; в нем два этажа, и при нем есть гараж и садик, тоже небольшой (пара вишен, уже отцветших, клумба пионов, которые, знаю, понравились бы Еве, скамейка среди камешков, покрытых разноцветными мхами, лужайка, столик для игры в пинг-понг). Вообще-то он принадлежит не Францу, а его отцу, который, овдовев, продал квартиру, где все напоминало о покойной жене, и уединился здесь; у него отдельная комната, выходящая на отдельную террасу, где стоит соломенный шезлонг – и там-то он и предпочитает лежать в теплые дни, глядя сквозь круглые очки в небо, из которого, как ему кажется, смотрит его любимая. Он очень сентиментален, этот отец Франца.

Францу исполнилось тридцать девять. Гости немногие, однако и пространства для их размещения – тоже. Я прихожу чуть ли не последним. Жена новорожденного – милая блондинка чуть моложе его – встречает меня; на ней вечернее платье, сильно открывающее спину, и в ушах у нее бриллианты. Франц очень ее любит и тратит на нее большую часть заработка.

Мой подарок, купленный только что, на бегу, носит утилитарный характер – это тент для автомобиля (я знал, что у Франца его нет, и это то, что сам он вряд ли станет покупать, хотя вещь полезная). Франц благодарит меня, а его жена протягивает мне бокал шампанского.

Один из гостей – очень ценный, как объяснил Франц, человек: он работает в муниципалитете и может помочь получить нужные разрешения. Да, такие проблемы есть! Древним было хорошо – они могли строить себе дома, как заблагорассудится. В наше же время главное слово – это «нельзя». Его оправдывают соображениями общественной безопасности, строительной безопасности, экологической безопасности, и так далее, и так далее. Нет, я вовсе не утверждаю, что все эти предосторожности – глупость. Но и в верном направлении можно зайти слишком далеко.

Ницше писал о «последних людях», что они полагают себя нашедшими счастье. Я согласен с Ницше, что эти люди просто скучны. Но с тем, что человека должно преодолеть, я не согласен. Почему мы не можем оставаться людьми, но не превращаться в «нашедших счастье»?

Меня знакомят с ценным гостем, рядом с которым – совсем юная девочка. Видимо, ценному гостю мезальянсы разрешены. (О, я его не осуждаю, я только против двойных стандартов!) Мне неуютно, однако я любезен. Ева могла бы гордиться мной.

Она – нескучная, живая, добрая, красивая, умная, честная, и я влюблен в нее.

Все люди смертны. Сократ – человек. Следовательно, Сократ смертен. Я не люблю людей. Ева – человек. Следовательно... К черту силлогизмы!

И все же я боюсь разочароваться. Все случилось в одно мгновение, тогда, на кладбище, она пришла, и я увидел ее. Стрела Эрота пронзила меня, хотя я этого еще не знал. А теперь – как хорошо я ее знаю? Тетушки Берта и Эмилия утверждают, что вообще не знаю.

Жена Франца интересуется, отчего я такой задумчивый. Франц говорит ей, что я всегда такой. Тогда она спрашивает: «А почему всегда такой?» Ну вот какая ей разница! Сейчас я думаю о женщине. Разве этого мало, недостаточно? Думаю о той, в которую влюблен, которая лучше всех, и в которой я смертельно боюсь разочароваться, узнав больше, боюсь потерять ее.

Арки и колонны остаются навсегда (ну хорошо, их может разрушить землетрясение – но я не об этом). А потерять человека так просто – иногда бывает достаточно одного неверного слова или жеста! (Откуда я это знаю? На самом деле, ниоткуда. Просто мне так кажется.)

Взрыв хохота, раздающийся из-за одного из столиков, отвлекает внимание жены Франца; я пользуюсь этим и подхожу к Гаурицу-старшему. «Добрый вечер», – здороваюсь я с ним. Он улыбается и подает руку. Мы давно не виделись. Конечно, он знает о смерти моей матери и сейчас не уверен, не надо ли выразить мне сочувствие. В итоге он выражает его взглядом – и это самое лучшее. «Как Ваше здоровье?» – спрашиваю. «Как оно может быть в мои годы... – говорит он. – Седею, хилею. Но, как видите, могу пить шампанское с гостями. Вас угостили шампанским?» «Да», – говорю. «За моим столиком есть свободное место. Если у Вас нет компании, подсаживайтесь. Кажется, только мы с вами и без компании». Ну, строго говоря, в эту категорию попадает еще сын Франца, но он не в счет – он не взрослый.

Одна из гостей садится за старое, из черного дерева, пианино и начинает играть «Баркаролу» Шуберта. Звуки музыки смешиваются с всеобщим гомоном. Отец Франца погружается в свои мысли. Я хорошо его понимаю, не хочу ему мешать и молчу.

Еще сопливая, но без температуры и распухших миндалин, я готова выйти на работу. С завтрашнего дня. Сегодня я могу только обзвонить тех, чьи визиты были перенесены; к этому и приступаю. Затем, в атмосфере благодушного безделья, миг за мигом которого уносятся прочь с каждым взлетом и падением беззвучного маятника на стене, мысли переключаются на Эрика.

Да, я обещала ему дать знать, когда встану на ноги. Ну и что?

Он и на следующий день не объявляется (а я уже на работе). Почему? Тетушка Берта убедила его, что его карьера и я несовместны? Если так, пусть лучше мы расстанемся сейчас, пока еще не поздно сказать себе, что он не может любить меня, и что случившееся было лишь капризом фортуны, подобным порыву ветра, который вдруг задрал юбку Мэрилин Монро – пикантно, но никакого продолжения.

Неужели она все еще болеет? Полдюжины человек звонили за эти дни – но не она, и вереницы мыслей о причине этого атакуют меня. Могла ли она решить, что я для нее слишком молод? Или я был плохим любовником? Ведь я действительно совсем неопытен. Я начинаю вспоминать ту ночь, восстанавливать в памяти все подробности, все ее движения, слова, взгляды и искать среди них ответ. Но я не нахожу его. Почему она сказала, чтобы я не был жесток с Хеленой? Наконец, правда ли вообще, что она простудилась и только поэтому не смогла свидеться со мной? Когда во мне возникает это подозрение, я начинаю злиться.

Все завершается одним: она не хочет меня видеть; к этому заключению я прихожу, какими бы витиеватыми путями ни следовали мои умозаключения. Это приводит меня в ужас: мне кажется, что я уже потерял ее.

Но это только полбеды. Я вдруг ощущаю неготовность что-либо делать, работать, изобретать. Не могу заставить себя. Как будто все стало неважным. Как будто мир пуст, и это значит, что никаких дел в нем быть не может.

Со мной уже происходило такое – но давным давно. В выпускном классе я был влюблен в очень красивую, как мне тогда казалось (но теперь я нахожу Еву гораздо красивее), одноклассницу; ее звали необычно – Генриеттой, словно она была англичанка (что неправда). В ней видел я тогда свой идеал, и с нею связывал мечты о счастье. Увы, Генриетта не находила во мне ничего замечательного. Другая девочка, Лаура, пыталась заполучить меня – но столь же безнадежно, сколь безнадежно я искал любви Генриетты; я знал о чувствах Лауры и не придавал им значения, как мы не придаем значения дождливой погоде, собираясь готовиться к экзаменам дома целый день. Зато каждый жест Генриетты был для меня событием. Время шло, Генриетта как будто специально избегала оставаться со мной наедине и домой шла неизменно в компании подруг, а я страдал, что, однако, не мешало мне хорошо учиться (и даже наоборот, стимулировало меня, потому что я надеялся своими успехами привлечь ее внимание). Однажды случилось так, что уроки закончились, но ни одна из ее подруг не находилась рядом, и я возликовал, что сейчас смогу проводить ее домой. Я был уже готов подойти к ней, как вдруг она подошла к парню из параллельного класса и, наклонясь, что-то зашептала ему на ухо; он весело посмотрел на нее, дождался, пока она наденет курточку и ботинки, а потом они вышли из школы вместе. Разочарованию моему не было предела. Мне тут же вспомнилось, что пару раз я уже замечал этого парня возле Генриетты, однако никогда не видел их идущими куда-либо вдвоем, не говоря уж о чем-то большем. Неужели я был слеп? Я припомнил также все, что знал об этом парне. Он не был ни красавцем, ни отличником, ни сыном богатых родителей; было непонятно, почему вдруг на него обратилось внимание такой прекрасной девушки, как Генриетта. Факт, тем не менее, оставался фактом: Генриетта ушла с ним. Я вышел следом и, стоя у школьных дверей, провожал их взглядом. Вдруг Генриетта обернулась и посмотрела на меня, что меня ужасно смутило. Тогда, отвернувшись и продолжая путь, она обняла парня за талию. Это было как обрушение

потолка на голову. Несколько дней кряду я не находил себе места. Отвергнутая любовь гулко стучала в мое сердце, по существу еще детское. Меня тошнило от еды, бросало в дрожь при каждой встрече с Генриеттой (к сожалению, учась в одном классе, мы не могли их избежать), я перестал высыпаться, перестал отдавать силы учебе, и только хороший задел позволил мне не упасть слишком низко.

Через некоторое время, уже в самом конце этого своего последнего учебного года, подходя к дому, я встретил Лауру, которая откровенно ждала меня, даже не пытаясь сделать вид, что оказалась здесь случайно. «Она вовсе не любит его», – сказала она, глядя вниз. «Откуда ты знаешь?» – спросил я. Лаура пожала плечами и ответила: «Просто знаю». Я стоял в растерянности, и тут она приблизилась, обвила мою шею руками и прижалась губами к моим губам. Ничего особенного я в тот миг не ощутил, и все же мы чуть помедлили в этом странном внезапном поцелуе; потом Лаура встрепенулась и убежала, не говоря больше ни слова.

Я задумался о ней, но еще больше – о ее уверении, от которого мне стало еще горше, чем прежде. Ведь если Генриетта сговорила с тем парнем меня разыграть, разве это не свидетельствовало о ее желании во что бы то ни стало отгородиться, оттолкнуть меня? Или она хотела, чтобы я проявил ревность, взорвался? Чем дольше я размышлял, тем смутнее были мысли, и – странно – с большей болью пришло и чувство, что Генриетта мне теперь и не нужна... Никто мне не нужен...

Депрессия эта длилась все лето, но постепенно пошла на спад. В один из октябрьских дней, когда золотые и багряные листья усыпали все, что могли, и ветер разносил их назло всем стараниям городских рабочих, и сумерки наступали рано, и небо все чаще было блеклым, как будто теперь настала его очередь грустить, я встретил Лауру в кафетерии, куда зашел, одиноко возвращаясь с новой, долженствующей дать мне, наконец, профессию, учебы. Она тоже была одна. Мы перекинулись немногими словами, потом вышли на улицу, и Лаура спросила: «Проводишь меня?» Я согласился. В сущности, мне было нечего делать. Оказалось, что она живет теперь не там, где раньше, не с родителями, а снимает крохотную квартирку; она устроилась работать и получает как раз достаточно, чтобы снимать жилье и не умереть с голоду. Она открыла мне дверь, я переступил порог, не имея, конечно, в виду то, что произошло после – но оно произошло, как-то само собой, только я не остался до утра; я сказал, что мать ждет меня дома. «Увидимся завтра», – пообещал я.

На следующий день мы встретились в том же кафетерии, а потом пошли к ней. Но, когда Лаура приникла ко мне, я мягко отстранил ее и сказал, что виноват во вчерашнем, что, наверное, она вправе считать меня негодяем, но повторения не будет: я не люблю ее, и я не хотел бы потом оставить ее, когда будет совсем поздно. «Ты еще найдешь свою любовь», – сказал я. – А меня прости. Если хочешь, мы можем быть друзьями». Она разрыдалась; собственно, я потому и предпочел поговорить не в кафетерии и не по дороге, а у нее дома, что предвидел эти слезы. Осторожно я успокаивал ее. Потом она спросила: «Ты все еще думаешь о ней?» «Нет», – ответил я, – уже не думаю. После того, что ты тогда сказала, все ушло». «Значит, я – доктор?» – улыбнулась Лаура сквозь слезы. «Значит, доктор», – сказал я.

С тех пор мы не виделись. Надеюсь, она действительно нашла свою любовь.

Почему мне это вспомнилось? Уж не собираюсь ли я осчастливить Хелену? Нет, конечно, нет.

Забросив все, я курю на балконе; вечерние сумерки обволакивают меня, а внизу то и дело с шумом проносятся машины. У самого дома притормаживает красный «фиат». Неужели это она? Сердце мое забилося в радостном предвкушении. Но нет, мне только почудилось, что машина останавливается; она медленно, но уверенно проезжает мимо. И я снова несчастен.

Началось ли это тогда – Анна позвонила и сказала, что хочет встретиться и поговорить о матери – или еще раньше, когда она сидела на кровати Евы, откинувшись назад и вытянув ноги? Не знаю. В любом случае, я не мог отказаться от встречи: этот разговор о Еве был нужен мне.

Итак, она позвонила (откуда у нее мой номер – должно быть, Ева дала?), и мы договорились, что она будет сидеть на скамейке возле пляжа. Конечно, я неспроста выбрала это место. На мне белый топ и темно-синяя юбка до колен, модные темные очки, на ногах белые босоножки. Я почти не загорела – плохо, но, думаю, все равно выгляжу сейчас мило.

Завидев его, я поднимаюсь и медленно иду навстречу.

Прежде всего, я говорю ему, что она поправилась, с ней все в порядке. Но, продолжаю и делаю паузу, вздыхая, кажется, у нее нет любовного настроения. Вот так прямо и говорю и смотрю на него пристально.

– Куда пойдем? – спрашиваю, пока он не знает, что сказать. – Или останемся здесь? Вообще-то, я бы позагорала полчаса. У меня с собой длинный каремат, мы на нем поместимся.

Он пожимает плечами. Я извлекаю каремат из пляжной сумки и, разворачивая в воздухе, показываю.

– Видите? Поместимся!

– Я неподходяще одет, – говорит Эрик.

– Ну, можете не загорать, а просто посидеть рядом. Лето уж давно, а я белая. Надо исправляться!

Колокольчики моего смеха оглашают окрестность. В итоге, он соглашается. Мы находим место, где разложиться. Я иду в кабинку для переодевания, возвращаюсь в купальнике и плюхаюсь рядом с Эриком, который сидит, закатав штаны; его ноги вытянуты и зарыты в песок.

– Не горячо так? – улыбаюсь я.

– Нормально.

К сожалению, хоть это и пляж, а купаться негде. Можно только немного помочить ножки у самого берега.

– Итак, – переходит Эрик к тому, что его волнует (ну что же, пусть), – Ева вышла на работу?

– Вышла.

– Наверное, у нее накопилось множество пациентов в очереди?

– Не знаю, – говорю, – наверное.

– Гм... Так о чем же Вы хотели рассказать?

– Ваша милая тетушка приходила к ней.

Разумеется, она не смогла удержаться от повествования о тетушке Берте, и даже в красках. Я в курсе событий!

На лице Эрика отражается возмущение.

– Я понимаю, что Вы не отвечаете за действия родственников. Но не могли бы Вы хотя бы сказать им, что недовольны?

Мой предлог для встречи прекрасно работает. Эрик произносит целую речь (по меркам его немногословия).

– Вы только не подумайте, что это она просила меня сказать Вам, – говорю я. – Это моя собственная секретная инициатива. Она бы не попросила.

– Потому что согласна с моими родственниками?

– Может быть.

Тут я лукавлю. Мне прекрасно известно, что она не согласна. Но Эрик допускает иное, и я не стану его разубеждать.

– Выглядит так, – роняет он.

– Немного припекает, – сказала я, помолчав. – Вы не поможете? Надо намазать мне спину и плечи сзади, где мне самой не достать.

Достав солнцезащитный крем, я протягиваю Эрику тюбик. На моем лице чистейшая невинность. Он немного смущен, однако успешно справляется с поручением. У него теплые приятные руки.

– Остальное я сама.

– Надо было с самого начала, – сказал он.

– Не подумала.

Я лежу, а он сидит на самом краешке каремата, оставляя место позади себя для моих протянувшихся ног. По телу растекается воздушное тепло. Мимо проходит троица – девушка, в руках которой шляпа для сбора денег, и два ее кавалера; один с лютней, второй с дудочкой. Здесь, среди детского гама, они не задерживаются, но тот, что с дудочкой, несколько раз издал монотонный протяжный звук – смешно. Видимо, это у него как боевой клич.

– А хотите, я Вас шокирую? – спрашиваю. Едва ли он может ответить утвердительно, но и отказаться сложно – хотя бы из любопытства. (Впрочем, насколько я успела узнать, любопытством Эрик не отличается.)

Я вскидываю на нее глаза. Молчание мое означает, по крайней мере, возмущение. Анна улыбается улыбкой Джоконды.

– Мне приснился сон, – сказала она, выдержав паузу, – будто мы с Вами шли вдвоем по траве и клеверу через поле, и по сторонам кое-где стояли деревья, и плоды висели на ветвях: груши, яблони, еще какие-то. Я видела наши фигуры сзади, мы удалялись. Там, куда мы шли, деревьев становилось больше, и, наверное, мы скрылись бы за ними, но я проснулась раньше.

– И что же в этом шокирующего? – недоумевает он.

– Во-первых, мы шли, взявшись за руки. Во-вторых, мы были нагишом. Совершенно нагишом.

Тут я начинаю смеяться.

– Ах, простите, – говорю, – это такой нелепый сон. Забудьте.

– Между прочим, – перевожу я разговор на другую тему, – я вылепила еще двух гномов, и теперь их семеро, все в сборе.

– Вы молодец, – говорит он рассеянно.

О чем он сейчас думает?

– Наверное, хватит загорать, – говорю я, поднимаясь. – Пойду, переоденусь.

Когда я вернулась, он уже был на ногах и свернул каремат. Я надеваю босоножки, и мы уходим по набережной в сторону моста.

– Люблю эту набережную, – говорю.

У моста мы расстаемся; кажется, он был готов проводить меня дальше, но я сказала, что пойду домой, а у него, наверное, свои дела, и что это так и должно быть.

– Вы прямо как тетушка Берта, – слышу неожиданно. – Говорите, что должно быть.

– О, это случайное совпадение! – смеюсь.

Она уходит, и пляжная сумка покачивается на ее плече, а я думаю, что у меня действительно много дел.

И все же, вернувшись домой, я звоню Еве на работу – и она еще не ушла, и мы говорим.

Я ни о чем не стал ее спрашивать, задал только один вопрос – главный.

– Ты можешь прийти сегодня ко мне?

– Недотерпел, – рассмеялась Ева, и в голосе ее звучала неподдельная радость.

– Недотерпел, – сказал я.

– Вот и хорошо. Тогда я приеду.

Она позвонила мне и сказала, чтобы я не ждала ее сегодня. О, будь все проклято, проклято, проклято!

Ненавижу.

Рассказал ли Эрик про то, как мы встретились? Что ж, если и рассказал, я не сделала ничего такого. Мы погуляли, поговорили. Причина была.

Семь гномов с удовольствием набросились бы сейчас на Белоснежку – но сначала пустились бы с ней в пляс.

Взгляд мой бессмысленно блуждает по комнате. Гномы, зеркало, окно, за которым зеленеет дерево, кресло, кровать, снова гномы и зеркало, кровать, ваза – пустая, потому что лилия увяла, и я выбросила ее.

Неужели он так нужен мне?

И на что же я готова?

Мне не хочется смотреть кино, мне не хочется ужинать, мне вообще ничего не хочется. Я раздеваюсь и забираюсь под душ. Обычно я выходила из-под него с ощущением прилива сил, но сейчас я слабая.

Вдалеке гроыхнуло. Грозы не было давно, и дождя не было, и очень хорошо, если он, наконец, прольется. Хотя, как сказал бы Шекспир, описывая мои чувства, все небеса не смогут исторгнуть столько слез, сколько мои несчастные глаза.

Ненастье добралось до нас к ночи. Тротуары мгновенно затопило, из окна потянуло посвежевшим воздухом. Мне не хочется закрывать его, но все-таки приходится закрыть, иначе на полу будет лужа. Увы! Я гляжу в ночь. Моим плечам смертельно не хватает обнимающей их руки Эрика, сильной и ласковой.

– О! – воскликнула она, когда молния сверкнула прямо за окном, и, высвободившись, вскочила с постели и подбежала к окну. – Какая прелесть!

Если бы я был художником, то прямо сейчас бросился бы за кистью – так прекрасна была Ева, ее силуэт, и еще прекрасней она стала, когда обернулась ко мне. Обожаю наготу ее плеч, ее ключиц и этот зыбкий подъем на холмики счастья! (Так я назову их. Любовно и поэтично.)

Новая молния расчертила небо, осветив ее. Божественно!

Художники счастливые – они могут останавливать время. Могут запечатлеть прекрасное мгновение, сохраняя его навсегда. Фотография делает, казалось бы, то же самое – но нет, ибо на фотокарточке Ева была бы одна, без меня, нарисовавшего ее, вдвоем с ней. А картина – это двоица. Картина – это любовь. (Да, собственно, почему картина? Вообще искусство.)

– Ева, Ева, ну иди же ко мне!

И молния исчезает во мгле, и Ева теперь другая. (Так Руанский собор на картинах Моне – в разных освещениях. Запечатленные мгновения.)

И любовь теперь другая – она рассыпается на мириады поцелуев. (Сколько песчинок в пустынях ливийских, сколько вечных звезд смотрят с небес на любви немые тайны!)

Когда она приходит домой, и мы глядим друг на друга, в ее взгляде есть что-то насмешливое. Он рассказал?

– Между нами ничего не было! – кричу я зачем-то.

– Я знаю, – улыбается она.

– Он видит только тебя!

И не хранит мои секреты. Ненавижу!

Я не хочу, чтобы она знала, как сильно я его хочу; я должна быть осторожной, не кричать, и мой нервный смех неуместен, и я немедленно подавляю его.

– Счастливая! – говорю. – Ну, и что думаешь делать дальше?

Она рассказывает, что они решили отправиться в путешествие. Эрик с детских лет не был на море. Отчего бы не съездить на неделю в Италию?

Это ужасно. Я потеряю его навсегда. Нет. Но что я могу сделать, чтобы они не уехали?

В отчаянии я готова на что угодно. Если бы я была мужчиной, взяла бы кинжал да вонзила ему в сердце.

И мне снова вспоминается Барбара в кладовке.

Она уходит в ванную и плещется там и напевает. Я где-то читала... в детективе каком-то... Будто в дурном сне, я беру фен, втыкаю в удлинитель, бесшумно подхожу. Это так просто! И, если правильно понимаю, не отличить от сердечного приступа.

Потом я долго рыдаю на кровати. Но она сразу уходит в свою комнату, я могу рыдать сколько угодно.

Как будто возвращаюсь в детство. Она рассказывала, что маленькой я постоянно плакала, а потом резко перестала. Я не помню. Наверное, она права.

Нет, она бы иначе говорила со мной, если бы он пересказал мой сон! Значит, хотя бы в этом повезло.

Среди ночи я вылезаю из постели и лихорадочно леплю ее фигурку – из белого пластилина. Потом беру иглу и злобно пронзаю ее насквозь, шепча: «Так тебе». Заснуть уже не получается, и утром она замечает, как плохо я выгляжу и говорит мне, что надо больше гулять на свежем воздухе, и что вообще пора завести себе парня.

Последнее слово, что я сказала ей, позабыв обо всякой осторожности, было непристойным – и этого я тоже не могу себе простить. Оно сидит во мне, как проникшая глубоко-глубоко заноза.

Мне кажется, что лучше не говорить с ней об этом. Если ей нравится Эрик, ей сейчас больно, но это пройдет. Мы будем жить у него, она – одна. Найдет себе кого-нибудь, и все встанет на свои места.

За завтраком я сделала заход в этом направлении, однако Анна только надула губки. Знаю, она не из тех, что готовы влюбиться в любого симпатичного мальчика, она требовательная – и даже, по-моему, чересчур. Потом я сказала, что вечером мы с Эриком идем на концерт, но я вернусь домой, потому что у него опять встреча с заказчиком, живущим по ночам. Возможно, это было лишним. Она съежилась и выпалила, чтобы я отстала от нее – но слово было другим, бранным; я никогда прежде от нее таких не слышала.

Если бы я стояла рядом, то дернула бы ее за ухо. Но между нами была почти вся комната, и, пожав плечами, я просто ушла.

На концерте мне было не по себе. То ли из-за Анны, оттого что я не могла не думать о ней, то ли из-за перемены погоды (может быть, пришло время, когда для меня это существенно?), то ли еще почему-нибудь. Эрик почувствовал это, но я сказала: «Все в порядке». Затем я отвезла его домой. Мы целовались в машине, но пришло время ему выходить, и я не стала выходить с ним, я только взглянула ему вслед и уехала, и в мыслях у меня уже была Италия, где можно будет позабыть обо всем и весело проводить время. Мне столько хочется посмотреть!

Мы договорились отдать Виконта тетушке Берте – все равно кто-то должен за ним присматривать целую неделю, и тетушка Берта будет счастлива. Конечно, она не вернет его. Ну, значит, такова его кошачья судьба. Эрик не станет переживать, и я тоже, потому как не успела привязаться к Виконту, да мне и привычнее без кота. Может быть, мы когда-нибудь заведем другого. Для ребенка домашнее животное – хорошо, он, наверное, вырастет добрее. А я точно хочу родить еще ребенка. Будет у Анны братик. Или сестрица. Я спросила у Эрика, хочет ли он, и его глаза ответили, что да, прежде, чем он сказал это. И родственникам его придется смириться.

Выходя из лифта, я почувствовала тошноту – видимо, от головной боли – и подумала, что надо принять таблетку аспирина.

Какое прелестное название у итальянских денег! Тысяча лир. Лучше разве что тысяча флейт – это мне еще больше нравится. Или тысяча папаген.

Я открываю дверь, захожу в прихожую. Анна, похоже, спит. Поздний час, да. Сбросив туфли, чувствую облегчение. Сегодня мне кажется, что они немного жмут. Хочется в теплую ванну. И вдруг я непроизвольно вскрикиваю, оттого что в голову будто плеснули изнутри кипятком. Руки тянутся к голове, я хочу позвать Анну, но изо рта вырывается жидкая кашица, покрывает мои губы – и комната вращается перед глазами. Я оседаю на пол и знаю, что не смогу даже вызвать скорую помощь, что прямо сейчас потеряю сознание.

Боже, как это нечестно! Все мое существо протестует.

Не может такого быть.

Хочу, чтобы Эрик обнял меня и спас. Но глаза мои закатываются, и я осознаю всю глубину пропасти между миром и моими желаниями, и что все кончено: вот мир есть – и вот его нет.

Врачи сказали, что это был разрыв церебральной аневризмы. Такие болезни часто протекают незаметно, пока вдруг не случается беда. Вот и она – жила и не ведала. И мне надо провериться, потому что аневризмы бывают наследственными.

Ну, вдруг – это было не так уж и вдруг. Ведь я знаю, почему. О, я этого не хотела, я лишь хотела, чтобы Эрик любил меня, а не ее!

Ему я позвонила наутро. Он не сразу понял, что я не шучу, а когда понял, то вскрикнул прямо как она.

На похоронах мы встретились. Я сказала, что мне очень тяжело и одиноко. Можно было бы добавить (но зачем же об этом), что еще и нет денег на жизнь. Ведь все наше хозяйство было на ней. Какие-то деньги я нашла, но то, что на счете в банке, временно недоступно. Нотариус сказал, что скоро встретится со мной, и я надеюсь, что тогда получу эти средства. Бросать учебу я не хочу, однако придется искать какую-то подработку. Вот об этом я с Эриком на днях поговорю: почему бы ему не отказать своей служанке и не взять на ее место меня!

Родители отца готовы приютить меня на какое-то время у себя. Нет, ответила я – это будут для меня слишком болезненные воспоминания. У них его фотографии на стенах. Не смогу. Но спасибо за сочувствие и предложение!

Есть что-то величавое в сиротстве, похожее на венчик, торжественно колышавшийся на голове венценосного журавля. Королевское достоинство. И одновременно хрупкое. Буду привыкать к этому новому статусу.

Но я в тоске. Все последние дни погода пасмурная, и, сидя у окна, покрытого рябью разбрасываемых ветром капелек, я меланхолично леплю пластилиновые сердечки. Леплю и тут же возвращаю обратно в стихию пластилина, как мы возвращаемся в прах земной. В какой-то момент я решаюсь слепить второе. Оба лежат на столе. И что с ними двумя теперь делать?

Я рассказала Эрику, как среди ночи что-то разбудило меня, и я выглянула за дверь и увидела в прихожей ее, уже мертвую. (Почти так ведь и было. А белую фигурку, пронзенную иглой, я давно уничтожила и даже выбросила ту иглу в мусорный бачок. Как преступник выбрасывает пистолет.)

Видимо, я была очень возбуждена, потому как он сказал, что я сейчас – комок нервов, что это естественно, и, успокаивая, дотронулся до меня.

Когда тетушка Берта спросила меня, порвал ли я с ней, я ответил просто: «Она умерла», – и попросил ни о чем не расспрашивать и больше никогда на эту тему не заговаривать. Это было по телефону, так что я не видел выражение ее лица. Наверное, оно было удивленным и недовольным – да, именно недовольным, оттого что случившееся не стало и уже никогда не станет ее победой. Но она выполнила мое условие – не сказала о нас с Евой больше ни слова.

Делать опять ничего не хочется, как тогда, когда я терзался в неведении, не решила ли Ева оставить меня. Но я должен взять себя в руки. Ненавижу господина Греттельбаха: если бы не он, в тот вечер она не уехала бы домой. (И что? Умерла бы у меня на руках?) Что-то от этой ненависти войдет в его дом наверняка. Знаю, что это неправильно... Да ведь я не могу стать другим! Что чувствую, то чувствую. И когда я вижу (дважды встречались с тех пор) на виске господина Греттельбаха большую противную бородавку, то злорадствую. От этих мыслей меня отвлекает Виконт, трущийся о мои ноги. Пожалуй, я не отдам его...

Я, мягко говоря, не любитель посещения кладбищ. Мертвые мертвы. Однако, когда Анна звонит и рассказывает, что приходила на ее могилу, мое сердце сжимается, и я вдруг понимаю, что там не хватает моих цветов. И на могиле матери тоже – давным давно. Обе они недалеко друг от друга. И, взяв зонтик, я иду сначала к матери, потом к Еве. На кладбище безлюдно. Можно даже, никого не стесняясь, говорить вслух.

На каменной плите выгравированы имя, годы жизни и крестик. Она была атеисткой, но крестик все равно – хороший тон. Собственно, эта плита – просто метка на земном шаре. От нее требуется быть меткой, и она удовлетворяет этому нехитрому требованию. Я кладу цветы на плиту, долго стою рядом...

Она сказала, что надо поговорить, и предложила поужинать вместе где-нибудь. Это немного неожиданно, однако я отчего-то рад. «У Вас нет сегодня встречи с заказчиком в полночь?» – звучит ее высокий, хрустальный голос. Я прощаю ее – она ведь не знает, что эти слова ранят меня – и говорю: «К счастью, нет». Мы договариваемся о месте. Это небольшой ресторанчик с японской кухней; на стенах висят гравюры, которые могли бы замечательно иллюстрировать какой-нибудь сборник хокку, и шеф-повар – настоящий японец. Франц показал мне это место.

Неожиданно (впрочем, я мог бы и сообразить, что у нее есть эти проблемы) Анна заговорила о нужде в деньгах. Ей нужна работа, которой она могла бы заниматься, не прекращая учебу. Но я ничем не могу помочь. Каролина работает у нас давно, мама хорошо к ней относилась. Я не могу просто взять и выгнать ее. Разве что если буду продавать квартиру, а в новой буду обходиться без прислуги. Но тогда и для Анны не будет места. Все, что я могу сделать – это поинтересоваться у своих заказчиков, нет ли места у них.

Анна вздыхает и грустно смотрит в свою тарелку. Я любопытствую, что она сейчас лепит. Это сразу делает ее оживленнее, и она сообщает, что после того, как все гномы готовы, взяла паузу. «А хотите взглянуть на всех семерых? О, приходите! Или Вам это трудно?» Ну, отчего же, я как-нибудь найду. «Можете хоть сегодня», – предлагает она. Почему бы и нет. «Но я не смогу отвезти Вас на машине домой», – предупреждает Анна и объясняет, что, хотя немного умеет водить, пробовала, однако формально не имеет права. Надо сдать экзамен, говорит – и она этим займется. Я спрашиваю, так ли ей необходима машина. Ведь ее можно продать, и ее денежные проблемы на какое-то время решатся. «Я думала об этом», – говорит она. Но будет жаль, если придется так поступить.

Что толкнуло меня кивнуть, соглашаясь? В лице Анны многое было от Евы: разрез глаз (но у Анны они темнее, и в них меньше зелени), форма щек, нежного подбородка. И все же это была совсем не Ева. Когда Ева улыбалась, во мне как будто расцветало что-то, что-то тянулось к жизни, к ласке. Она была моим солнцем. Анна другая, похожая скорее на милого зверька. Мысленно я назвал ее бурундучонком.

Он не примет меня домработницей, и я не приду к нему домой, зато он придет ко мне. Это даже лучше. Я предложу ему переночевать, чтобы не возвращаться к себе в такую позднь.

Но все вышло еще быстрее, и никакие предлоги не потребовались.

Он стоял спиной ко мне, рассматривая гномов (так и не догадался, кто они), и я стояла рядом и чуть коснулась его грудью. С его стороны не было никакой реакции, но я знала, что он чувствует меня. Тогда я просто сказала: «Эрик». Просто назвала его по имени.

Потом я первая перешла на «ты».

– Вот, я сделала их, но это для себя только, – сказала она. – Никто, кроме тебя, и не посмотрит.

Я обернулся. Мы были близко, наши дыхания встретились. Сам не знаю, как, но я коснулся губами ее губ, а дальше мне было уже не остановиться.

– Я была так несчастна, – сказала я в прошедшем времени, как будто бы все печали остались позади. О, какая то была иллюзия!

Потеряв девственность, хочется думать только о лучшем. (Знаю, есть такие, которые теряют ее, только чтобы потерять. Я не из их числа. Мне было совсем нетрудно сделать это с Юргеном, но – ни за что.) Разве он теперь не мой? К тому же, он должен понимать, что мог сделать мне ребенка. Все было так быстро. Никто из нас не думал об осторожности. Вообще, я не считаю, что осторожность должна быть заботой женщины, но Ева брала это на себя – даже в самый первый раз оказалось, что она в курсе того, что иногда может случиться внезапная встреча. Ева знала все, Анна ничего знать не хочет.

Она ведь бурундучонок. У нее инстинкты. Остается надеяться, что все обойдется, потому как я вовсе ничего не решил.

На завтрак я сделал нам яичницу, пока Анна нежилась в постели. Мы почти не говорим. Мы словно осваиваемся друг с другом на необитаемом острове – уже оказалось, что вместе, но пока чисто физически.

Я так и не решаюсь зайти в комнату Евы... Анна понимает это, хоть она и бурундучонок.

– Ты придешь вечером? – спрашивает она, когда я ухожу.

– Мне надо подумать, – говорю я.

Эти слова повергают меня в ужас, он весь в моем взгляде. Однако, я смиренно закрываю за Эриком дверь.

Когда, немного позже, я выхожу из дома прогуляться и собраться с мыслями, ко мне подступает невысокая молодая темноволосая девушка и встает прямо на пути. Красивой я бы ее не назвала, и сумочка у нее на выброс. Что ей надо?

Нет, она не хочет спросить, который час, она меня подкарауливала.

– Кто Вы такая?! – запальчиво бросает мне девушка.

– Мне кажется, это я Вас должна спросить, кто Вы, – отвечаю я, на миг растерявшись и не понимая, что происходит.

– Что Вам надо от Эрика?

Теперь понятно. Я намерена послать ее куда подальше, однако пока что интересуюсь вежливо:

– А Вам?

– Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос? – говорит она, краснея.

– С дороги, – говорю я.

Это уже не вежливо, но больше мне сказать нечего.

Девушка хлопает глазами, однако с дороги не уходит и как будто готова вцепиться мне в волосы.

Тогда я смеюсь. Это действует на мою противницу убийственно. Она краснеет еще больше. Вот истинная Белоснежка. Такую хочется унижать.

– Эрик мой, – говорю.

На ее пухленьком некрасивом лице вдруг появляется злая ухмылочка.

– Неужели?

– Твой, что ли?

– Нет, – говорит она страдальчески, – но и не твой.

Вот это уже интересно. С чего бы? Что она такое знает?

– Просто у него горе. Он к тебе за утешением пошел, я уверена. А любить он тебя не полюбит никогда – вот тебе мое предсказание.

Произнося эту тираду, она внимательно в меня всматривается и вдруг восклицает:

– О!

Думаю, она поняла. Ее, значит, тоже видела.

– Да, я ее дочь, – говорю.

И тут она неожиданно бьет меня по лицу маленькой ладошкой, говорит: «Сучка!», отворачивается и быстро шагает прочь. Видимо, ей тоже больше нечего сказать. Моей сучьей натуре хочется догнать ее и избить, но я подавляю в себе это желание. Ибо, в сущности, она права.

Что мне нравится, так это ее признание, что Эрик не ее. Надеюсь, он придет сегодня или хотя бы позвонит. Я слабо представляю себе его распорядок дня. Мне-то хорошо – я могу делать, что хочу и когда хочу.

Знаю, что она ждет – но я не приду. Ведь я не люблю ее! То, что произошло, было ошибкой. Ее надо как-то исправить... не знаю, как. Не прийти – просто, не позвонить – просто, и вообще самое простое – это отсутствие и молчание, потому что не видишь глаз другого. Другой тоже отсутствует и молчит, жизнь продолжается.

Так рассуждает эгоцентрист во мне. Анна, тем не менее, для меня существует, она живая. Я не хочу причинять ей боль. Мне надо что-то сказать ей, что-то, что говорят маленьким детям, которые хотят невозможного, так чтобы они не плакали. Но я не помню, что в таких случаях говорила мне мама – быть может, я никогда невозможного не хотел? Или не плакал и не нуждался в успокоении? Не помню. И не то чтобы все детство кануло в потемки; многое мне вспоминается – но не это.

Анна соблазнила меня, это ясно. А можно взглянуть иначе: я соблазнился Анной. Была, однако, и нежность, не просто физиологический порыв – этим я пытаюсь себя оправдать...

Если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе – так гласит древняя притча. Я звоню Эрику.

– Ты придешь? – спрашиваю.

– Я не могу, – говорит он.

– Много работы?

– Работа всегда есть, но дело не в этом.

– В чем же?

– Мне надо подумать.

Он уже говорил это, и прошел целый день. Целый день без его тепла. А для него – без меня. Значит, я не нужна ему? Дрожь от этой мысли, наверное, слышна в телефонной трубке.

– Приезжай, – говорю, дрожа.

– Анна, пойми, я не могу быть с тобой, когда думаю о ней.

Она дает отбой, и я чувствую одновременно облегчение и горечь. Слова не были найдены – и будут ли?

Мысль, что он всего лишь меня жалеет, проникает в меня вопреки моей воле. Сумасшедшая отвергнутая пифия ошиблась в его чувствах, однако ее предсказание меня бесит. Никогда не полюбит... – так и слышу ее пискливый голосок.

Я назвала ее отвергнутой – а сама-то я что?

А сама я, возможно, заслуживаю свою участь... Богу – Божье, кесарю – кесарево, сучке – сучье. Убийца не вправе наследовать имущество убитого, и любимых его тоже, хотя они и не имущество.

Но ведь это чепуха, бред воображения! В чем я себя обвиняю? Я ее пальцем не тронула.

А фен?

Но я не кинула его, не смогла бы кинуть! Как не смогла бы сжать ножницы, когда Барбара глядела на меня в ужасе и слезах. *Per favore...*

Или мне просто хочется так думать, а на самом деле кто-то на небесах бросает кости? Контролируем ли мы себя в такие моменты? Вообще – мы ли решаем? Монетка падает на ребро, и орел – жизнь, а решка – смерть, что-то в этом роде?

Судьба пощадила меня в отрочестве, потом снова, когда я держала в руках фен, но на третий раз, взглянув на беспомощную пронзенную белую фигурку, небеса сказали: «Довольно!» Теперь я думаю так.

Не действиями грешны мы, но помыслами. Это еще Кришна говорил Арджуне?

Но самое плохое не это, а то, что я вдруг осознаю, что началось все с банальной зависти. С моей ничтожности. И если ею и закончится, то лучше бы мне никогда не родиться.

Я на стройке до вечера. Франц со мной, и мы смотрим, как идет дело, и обсуждаем его. Это прекрасное лекарство от всех чувств и тревог: оказываешься в мире, где значение имеют только фундаменты, балки, лебедки, изгибы труб. Рабочие в рыженьких комбинезонах снуют туда-сюда; иногда мы подзываем их бригадира и даем указания. Процесс еще в начальной стадии, но это очень ответственная стадия – допущенные ошибки будет дорого исправлять. Так что надо глядеть в оба.

Вечером мы с Францем, чувствуя, что умираем от голода, идем ужинать в тот самый японский рестораник, куда я водил Анну. Если бы я был один, то не выбрал бы это место. Франц, однако, его любит. К счастью, он занимает меня разговорами, и мысли, от которых я так благополучно отрешился на весь день, не мучают меня. Он способен говорить много и о самом разном, кроме двух тем: женщины и мистики. Женщин он воспринимает как необходимое зло (его жена – исключение, однако я всегда удивлялся, каким таким чудом Францу удалось жениться), а что касается мистики, ее он бескомпромиссно отвергает. Пусть его святая вера в принцип достаточного основания несовременна – Франц стоит на ней и не может иначе (что, скажу я в шутку, для архитектора очень естественно).

Сейчас он рассказывает, как принимал вчера тренера по пинг-понгу; тот тренирует и его жену, и сына, который, начав с нуля, уже наострился и начал обыгрывать мать. Сам Франц, хотя и умеет играть, редко берет ракетку в руки. Так вот, этот тренер, оказывается, женат на певице, и он ужасно ее ревнует. Франц находит это забавным. Ему вообще нравится называть людей забавными – возможно, такова движущая пружина легкости его нрава.

Я неплохо знаю Франца, мне хорошо с ним работается, я могу на него положиться, что, впрочем, не означает, что я могу ему довериться, ибо это разные вещи. Открываться другому человеку всегда было для меня очень трудно. И чем этот другой ближе, тем труднее. Отношения – темный лес для меня и преддверие ада. (Но не с Евой.)

В отличие от Франца, которому предстоит вести машину, я могу позволить себе рюмочку сакэ. Здесь можно взять настоящее сакэ. Не изменить ли мне своей природе и не выпить ли? Говорят, это помогает – пусть на время – справиться с отчаянием. Я плохо спала, все гоняла мысли. Утром меня потянуло заглянуть в Достоевского: его герои пьяны почти постоянно, а кто не пьян, тот или не от мира сего, или болен очень. Я зашла в отцовскую комнату, куда с тех пор, как его не стало, заходила редко, словно боясь прикоснуться к прошлому, где мы были еще вдвоем и говорили обо всем – даже о том, о чем обычно говорят не с отцами, а с матерями! Пробегаю глазами по корешкам расставленных на полках книг, я, прежде чем протянуть руку к однажды читанному мной переводу «Братьев Карамазовых», вдруг заметила пару фотоальбомов; они стояли здесь же, среди книг. Безотчетно взяв их, я перебралась к себе, забралась в кресло и стала перелистывать.

Вот я совсем маленькая, в манеже, моя голова повернута к отцу, который фотографирует; я беззаботно и чистосердечно улыбаюсь, демонстрируя первые молочные зубы, между которыми зияют темные провалы. Вот постарше, обнимаю руками сосновое дерево; частично я скрыта за ним, но моя все такая же счастливая улыбка запечатлена. Вот мы с отцом вдвоем в лодке, он дает мне подержать весло. Весь первый альбом – про эти годы. Во втором, заполненном где-то на две трети, я уже повзрослевшая, на некоторых снимках – старшеклассница. В основном, это фото, сделанные во время наших немногочисленных, но прекрасных путешествий. Одно из них – по Ломбардии; тогда мы побывали в знаменитом Teatro alla Scala, и я влюбилась в итальянский и выбрала, куда поступлю после школы. А Юрген в то же лето влюбился – безответно – в меня. (И даже наша совместная операция «Барбара» не сблизила нас ни на один поцелуй.)

Ну так что насчет напиться? У нас есть немного кофейного ликера. Отложив альбомы, я шлепаю на кухню, беру в руки пузатую бутылку, смотрю на свет сквозь темно-зеленое стекло, потом ставлю на место. Нет, это все не про меня.

Внезапно меня пронзает такая очевидная мысль об отце: ведь он любил ее... О, я должна просить у него прощения! Я быстро одеваюсь, выхожу из дома и почти бегом устремляюсь на кладбище.

Да, я нервная, я импульсивная. Ну и что?

На кладбище полно народу. Прямо сейчас кого-то хоронят. Чтобы не проходить мимо, я выбираю обходной путь. Вид у меня совсем не траурный. Кому-то мои шорты и босоножки могут, наверное, показаться неуместными. Впрочем, я думаю, что большинству мужчин видеть меня такой скорее приятно.

У отцовской плиты я застываю, как поставленное рядом изваяние. (Между прочим, не такая глупая идея – ставить женские статуи на кладбищах. Они напоминали бы, что, вопреки всем смертям, жизнь продолжается. Очень жизнеутверждающе было бы.) Рядом нет скамейки (здесь вообще мало где есть скамейки) – и я просто стою и смотрю. Что я хотела сказать? Что убила ее?

Говорю что-то невнятное...

Вместо того, чтобы вернуться по дорожке к выходу, я, сама не знаю зачем, спускаюсь с холма по бездорожью в луга. Немного дальше протекает ручей, и стоят несколько лачуг, и белье развешано на улице. Возле одной я вижу большую овчарку; мне становится боязно, и я отворачиваюсь. Вскоре мне удастся выйти на тропинку, но к этому времени я уже уколола ноги в нескольких местах. Хорошо, что не окрапивилась!

Тропинку пересекает другая. Свернуть? Какая разница – я все равно иду, куда глаза глядят.

Воздух пахнет травой и клевером. Влажные воздушные массы уступили место сухим; над головой чистое небо. Кажется, что мир хорош. По дороге я рву цветы – дома поставлю их в вазочку. Если Эрик не придет, будут хоть они. (Но мысль эта слишком горька. Лучше без если.)

Шагаю, и шагаю, и шагаю.

Я уже подустала, и было бы замечательно развалиться на травке отдохнуть, глядя в небесную синь, да только боюсь испачкать одежду. Обычная грязь – ладно, но зелень от контакта с травой не так-то просто отстирывается. Придется моим ногам выдержать этот поход без отдыха. (В общем, я, хоть и люблю природу, но, как дойдет до дела, жительница города – однозначно.)

Позже, вечером, я пытаюсь смотреть кино; собранный букет, мое творение, красуется в вазочке, а телефон молчит. *Per favore...*

Мучительный вечер, гнетущий. *Lasciate ogni speranza, voi ch'intrate.*

Дома я был к полуночи. Виконт встретил меня. Многие считают, что домашний кот хорош уже тем, что встречает на пороге. Преимущество ли это? Нет, пожалуй, я предпочел бы, чтобы никто меня не встречал – если не может встретить она. Хочу просто завалиться на кровать и заснуть, и пусть мне приснится что-нибудь хорошее. Я один, никто меня не стесняет, звезды смотрят в раззанавешенное окно. Вспоминаю, как она стояла перед ним, и молния вспыхнула и осветила ее. Наверное, всегда буду вспоминать этот миг.

– Анна! – слышу я ее голос. – Ты будешь тосты? Сделать тебе?

Открыв глаза, я вижу ее, и она не бесплотный призрак, она живая и выглядит бодро, и я чувствую себя счастливой, как никогда. Но из постели выбираться неохота, мне так уютно в ней, поэтому я неопределенно тяну:

– Ммм...

Эрик существует или нет? С какого момента все было сном?

– Где ты была вчера вечером? – спрашиваю.

– На концерте. Но я не осталась у Эрика – я ведь говорила тебе.

Да, я помню, а еще я помню, каким словом проводила ее. Значит... она вернулась вчера, я спала, и мне приснилась и ее смерть, и похороны... и все это мое отчаяние... Жажда борьбы возвращается ко мне; передо мной снова соперница, чудесному явлению которой из небытия я только что была так рада! (Ах, если бы Эрик не существовал вовсе, мы жили бы в мире...) Тут я осознаю, что ночь, в которую он был со мной, тоже была частью сна, и по лицу моему пробегает тень тревоги.

– Что с тобой? – ласково спрашивает она. (Мне только чудится легкий сарказм в ее интонации?) – Ты вожделеешь его?

Я не знаю, что на это ответить, а она продолжает:

– Так это фантазия, глупости. Ты просто не хотела, чтобы он был моим новым мужчиной.

Этим сладким голосом, почти шепчущим, она обращается ко мне, как к ребенку, которому говорят, утешая, что лопнувший шарик – не беда, папа сейчас надует новый.

– Ты ведь предпочла бы, чтобы он никогда не существовал. Ты сейчас об этом подумала.

Откуда она это знает?!

– Откуда я знаю? – слышу я ее смех. – Потому что я – это ты.

О, нет!

Ее волосы темнеют и быстро растут, и улыбка пропадает на ее лице, превращающемся в мое лицо; я кричу от ужаса, а она смеется и бьет меня по щеке.

– Сучка!

Я просыпаюсь, и меня трясет, как будто я все еще там, во сне. Нет, этой ночью мне уже не спать. На подушке маленькое алое пятнышко. Я смотрюсь в зеркало: из левой ноздри вытекло немного крови.

При разрыве церебральной аневризмы в голове образуется целая лужа...

Целая лужа ради фантазии. Теперь мне совсем плохо. О, если бы он забыл ее и полюбил меня, я бы, наверное, избавилась от этого жуткого чувства, а потом, со временем, смогла бы полюбить его. Но со мной только мои смертные грехи. В красных колпачках.

Внезапно мне приходит в голову другой финал истории: жених пробуждает ее, и она велит ему убить гномов. И он убивает. Что? Это не в характере Белоснежки? Она может с этим не согласиться.

Через открытое окно доносятся чьи-то голоса: редко, но иногда кто-то проходит по нашей улице ночью. Голоса приближаются, удаляются, наступает тишина.

Думать о чужой истории гораздо легче, чем о своей. Поразмыслив, можно найти разные финалы. Я нашла как минимум шесть. Первый: жених увозит ее, гномы весело пляшут. Так принято думать в нашем цивилизованном обществе. По мне, неправдоподобно. Второй: гномы любезно встречают жениха, но из страха, что останутся без своей спящей красавицы, устраивают ему западню и убивают. Белоснежка пребывает во сне вечно. *For never was a story of more woe than this of Juliet and her Romeo. Il eterno dolore.* Третий: все наоборот, как я только что придумала. Торжество справедливости и любви. Четвертый: Белоснежка вовсе не спит, а умерла, гномы замучали ее. Жених прибыл слишком поздно. Гномы вешают ему лапшу на уши, будто его любимая спит. Естественно, он не может разбудить ее, а гномы пожимают плечами: увы, сила любви оказалась недостаточна. Такое бывает – как веры бывает недостаточно, чтобы гора низверглась в море. Пятый финал: Белоснежка потеряла свое ангельское терпение и, не дождавшись жениха, сама перебила всех гномов. Почему бы нет? Шестой: гномов ей не одолеть, но можно умереть самой. Заявить своеволие. В лесу не продается веронал, но есть ведь разные способы.

Пока я не знаю, как заканчивается история, я не могу вылепить ее – в каждом случае она другая...

Невеселый рассвет застает меня в кресле. Эрик не садился в него – а вот в ее кресло сажился.

На завтрак съедаю яйцо всмятку, ломтик моцареллы на тосте, запиваю чаем, разбавляя вчерашнюю заварку. Аппетита нет. Звоню Эрику, и он не отвечает. Не хочет со мной говорить...

Проснувшись рано, я уехал в лес. Сегодня – никакой работы, Франца я еще вчера предупредил, сказав, что мне нужен день отдыха. Есть один лесной маршрут, по которому я не ходил уж несколько лет, а он такой красивый! По холмам, мимо двух небольших озер. Хочу пройти его целиком – это будет прогулка как раз на целый день, как надо.

Достаточно времени и леса, чтобы обо всем подумать.

До леса я добрался на такси. Сошел на шоссе возле таблички со схемой местных троп и, внимательно изучив, двинулся по той, что идет отсюда. Почти сразу начинается подъем. Выйдя на гряды, я продолжаю путь по ней, и стройные сосны беспорядочно тянутся ввысь по обе стороны. Перед взглядом моим проскальзывает белка. Белок я люблю. Больше, чем людей.

Как будто отвечая на эту мысль, реальность опрокидывает мои наивные представления, что я буду гулять в одиночестве: впереди я вижу женский силуэт. Он удаляется, я иду немного быстрее и через какое-то время эту девушку (думаю так, судя по тонкой отчетливо очерченной фигуре) нагоню; могу не нагонять, но это будет насилием над собой. К тому же, я шагаю не бесшумно, и девушка, заслышав кого-то за спиной,

оборачивается. Разумеется, я не собираюсь составлять ей компанию. (Да ведь и она, гуляя одна, видимо, не хотела бы этого?) Мне довольно того, что надо решать, как вести себя с Анной.

– Не бойтесь, я не преследую! – кричу я ей, находясь уже неподалеку, потому как она, обернувшись, застыла на месте. – Я сейчас обгоню Вас и пойду вперед.

– Да я не боюсь, – сказала девушка. Хотела ли она добавить, что я могу так не торопиться? Не знаю.

У нее волнистые каштановые волосы, темные глаза, глядящие с небольшим прищуром, она симпатичная, и я даже улыбаюсь. Одета она подходяще: джинсы, кроссовки, совсем легкая бирюзовая курточка поверх темного топа; молния на курточке не застегнута, что позволяет мне видеть ее талию.

Я сказал Анне, что не могу быть с ней, когда думаю о Еве, но правда и то, что я не могу не думать о Еве, когда вижу Анну. Получается замкнутый круг, и безжалостная логика выносит вердикт: у нас с Анной ничего не будет.

Обогнав лесную красавицу, я устремляюсь дальше, не сбавляя ход, и слышу, как дятел громко стучит впереди. Его долбеж столь же безальтернативен, как мое обозримое будущее: одиночество, работа, работа, одиночество.

И вновь я слышу только длинные гудки, а за окном уже начинает смеркаться.

До первого озера я дохожу (если так можно назвать мой побег) за полчаса. Там плавают утки, большие и маленькие, вид которых приводит меня в умиротворенное состояние, ибо сразу становится ясно, что жизнь проста. Хотя я ведь на самом деле не знаю, каковы взаимоотношения в утином коллективе... Может быть, и у них есть свои утиные драмы...

На меня находит желание накрасить губы лилово-алым, поярче. Результат отражается в зеркале в ванной – и он мне нравится. Не позвонить ли Юргену, думаю – вот он подскочит на месте! Однако, эта сумасбродная идея тут же отвергается. Вместо этого я раздеваюсь и удовлетворяю себя гораздо лучше, воображая, как гномы по очереди проделывают это с беззащитной своей домработницей. И я не сочувствую ей.

Гадкая я.

Обогнув озеро, я вижу ту девушку по другую его сторону. Она тоже любит утками. Я притворяюсь, что не замечаю ее, и поскорее ухожу.

На могиле отца я несла всякую чушь, и хорошо, что он не слышал. А если бы услышал, то вряд ли простил бы меня. Да, это правда, что мы с ним души друг в друге не чаяли, но любимой женщиной его была она. (Снова соперничество!)

Конечно, если бы он надрал мне уши, а потом прижал к себе, глядя волосы, целуя в лобик, как он делал много раз, когда хотел успокоить меня, маленькую... он бы спас меня. Но это только дурацкие мечты.

Поэзия – не мое, и все же чувствуется, как поэтичны эти сосны и озера, особенно второе, с извилистыми берегами и маленьким деревянным домиком на сваях у берега; там живет лодочник, у него пара лодок, на которых он дает покататься настроенным на романтику парам, забредшим в эти края. Судя по тому, что он не бросает свое дело, пары находятся. У меня мелькает мысль, не покататься ли в одиночку. Но мне не требуется большее расслабление. Так что я медленно (девушка далеко отстала, и убежать не от кого) прохожу мимо.

После прогулки, занявшей большую часть дня, я ужинаю в ближайшей кафешке, а затем иду домой. И дух мой спокоен, и тело сыто, однако все это временно.

Ибо, едва только переодевшись в домашнее, я слышу телефонный звонок.

– Алло! Анна? Анна, это ты?

На другом конце не отвечают. Конечно, это она. Потом она вешает трубку. Все это мне не нравится. Смутная, беспричинная, по существу, тревога побуждает меня как можно скорее ее увидеть. (Нет, естественно, на этот раз она не соблазнит меня. Но увидеть я должен. Сейчас.) И я беру такси, и такси мчится по погружающемуся в ночь

городу; приятный (в другой ситуации) джаз наполняет пространство кабины – надо полагать, водителю он по душе. У дома Анны я пулей выскакиваю, взбегаю на третий этаж, звоню в дверь, стучу, никто не отзывается. Что мне делать? Я снова звоню и стучу, и Анна не открывает мне.

Итак, я вышла на улицу, и улица была пуста, и только фонари склоняли головы на моем пути, словно в молитве. Я шла быстро, как всегда. Ближе к набережной мне навстречу промчалась выкрашенная в желтое машина грузовика. Я успела разглядеть, что у водителя большая круглая голова. Потом я вижу приближающуюся парочку. Он держит ее под руку. По-моему, он изрядно ее напоил. Обычное дело. А меня нельзя изрядно напоить – я не пью. Только кофе, лимонад, чай, лучше зеленый. Парень что-то говорит девушке, она смеется. Примерно мои ровесники.

Вот и река и моя любимая набережная. Сколько раз я шла этой дорогой!

Я могу дойти до пляжа, сесть на скамейку, где когда-то ждала Эрика, закрыть глаза и представить себя в том далеком мгновении, как будто ничего не случилось, как будто она жива, а я, когда Эрик придет, скажу ему: «Глупенький! Она ждет, что ты позвонишь!» Это было бы честно. Но что бы я сказала сейчас? Впрочем, он не догадается прийти туда. Он совсем недогадливый, как и остальные. И я не люблю его. И не любила. И не способна никого любить. Как можно кого-то любить, когда ненавидишь саму себя?

Siamo in una selva oscura abbiamo smarrito la diritta via. И ничего мы не можем породить из себя, кроме зла. Даже она – боготворимая Эриком – породила меня. И лучше бы этого не случилось. Тогда мне не было бы сейчас так невыносимо стыдно.

Я стою на мосту, чуть перегнувшись через парапет, и смотрю вниз. Там, внизу, глубина. Я знаю: она ждет меня, она даст мне избавление.

Передо мной эскизы. Линии их расплываются, словно изображения на погружаемых в воду негативах фотографий. У меня нет ни фотографии Евы, ни фотографии Анны – я не догадался в свое время попросить их.

Я вообще мало что догадался сделать, растерял время, которого, казалось, впереди много – но то был обман перспективы. Я мало расспрашивал Еву – как прежде мало говорил с мамой. Сейчас мне очень не хватает знания того, что она любила, а что нет; я знаю лишь кое-что, недостаточно для того, чтобы осуществить свое желание. Я хотел бы построить дом ее мечты. Чтобы в нем все было так, как ей нравится. Этот дом я бы не продал никому, он стоял бы пустым. Ведь любой хозяин захочет что-то переделать, обустроить по-своему, а это будет уже не то, что ей нравится. Поэтому – никаких хозяев! Только я бы иногда приходил туда. Заглядывал бы в пустые комнаты, проходил по коридорам. Протирал бы пыль.

И вот я чувствую, что знаю ее так мало! Прямо как говорили тетушки Берта и Эмилия.

Тем не менее, мне все равно хочется построить этот дом.

Не хватает, правда, не только знания, но и денег. Строительство – недешевое дело. Наверное, рано или поздно у меня скопятся средства. Я откладываю деньги регулярно, делаю, что от меня зависит, и стараюсь цеплять богатых заказчиков.

Куда исчезла Анна, так и осталось неизвестно. Хочу ли я, чтобы в один прекрасный день она возникла на моем пороге? Да. Не для любви, конечно, а просто чтобы вдруг возникла. Чтобы я больше за нее не боялся... или за свою душу?

Мне так больше и не довелось войти в ту дверь, не довелось ни увидеть еще раз ее гномов, ни забрать подсвечники. Поначалу я каждый день звонил ей по телефону, и никто не отвечал. Потом я стал звонить изредка – с тем же результатом. Как-то раз, примерно полгода спустя, трубку сняли, и ответил мужской голос, и я узнал, что квартира сдана. Кто такая Анна? Он такую не знает. Я понял тогда, что квартира досталась каким-то ее родственникам, ее персональной тетушке Берте, и вот они-то и сдают ее. Добравшись до них, я выяснил, что Анна пропала без вести. Мне не хотелось объясняться, кто я такой, поэтому я просто извинился за беспокойство и ушел.

Иногда она мне снится. Странно – она снится, а Ева нет. Это, наверное, противоречит всем теориям.

Знаю, бывает, что человеку хочется исчезнуть, так чтобы никто из знавших его прежнюю жизнь никогда больше его не встретил. Случай ли это Анны? Во-первых, я думаю, что нет. Во-вторых, у нее нет денег, а те, что исчезают, обычно могут это себе материально позволить. Собственно, она могла продать квартиру и только тогда, с деньгами, скрыться – но как раз этого и не случилось.

Однажды я повстречал ту девушку, которую обогнал на прогулке в лесу. Она шла навстречу по улице. Наши взгляды пересеклись, она узнала меня, хотя прошло уже около года с тех пор, и приветливо улыбнулась, и я улыбнулся в ответ – и ничего не сказал и даже не обернулся, когда она вновь осталась за моей спиной. Будь я суевернее, я бы подумал, что встреча наша – неспроста, что это судьба дает мне последний, может быть, шанс сделать кого-то счастливее. Однако, в тот момент я ничего такого не подумал. (Да ведь девушка и поводов не давала.)

Вряд ли мы созданы для того, чтобы делать кого-то счастливее – скорее, наоборот. Ибо пока человека не было, у рая не было альтернатив, и волю паслись, орлы летали над горными кручами, львы... кого они драли на части? Это известное темное место в истории.

Со временем действительно все проходит. К сожалению, жизнь проходит тоже – и порою быстрее, чем наша боль. Знаю, я еще молод, и такие речи мне вести не подобает, однако я не представляю, что могло бы открыть мне иные перспективы – разве что я все-

таким построю тот дом, но пока что передо мной лишь эскизы, и линии их расплываются, оттого что я гляжу на них сквозь слезы, которые не в силах сдержать, когда думаю, как мог бы ввести ее за руку в дом ее мечты. Отложив эскизы в сторону, я могу взять себя в руки, подумать о чем-нибудь другом...

Рядом с шезлонгом отца Франца стоит второй – и в нем сижу я. Господин Гауриц – в очках, я – без, и мы оба глядим в небо, не произнося ни слова. Оттуда смотрят наши любимые. Мне теперь тоже, хотя я никогда не считал себя сентиментальным, так кажется. И если это действительно так, все остальное неважно.